

БОГДАН СУШИНСКИЙ

ГИБЕЛЬ

АДМИРАЛА

КАНАРИСА

Секретный фарватер (Вече)

Богдан Сушинский

Гибель адмирала Канариса

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Гибель адмирала Канариса / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

В основу романа положены малоизвестные события, связанные с деятельностью и гибелью одного из наиболее известных и в то же время одного из наиболее загадочных деятелей Третьего рейха, руководителя военной разведки и контрразведки (абвера) адмирала Вильгельма Франца Канариса (1887–1945), обвиненного в измене и казненного по приказу фюрера буквально накануне капитуляции Германии...

© Сушинский Б. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	10
3	14
4	17
5	20
6	25
7	28
8	33
9	36
10	38
11	42
12	46
13	49
14	53
15	55
16	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Богдан Сушинский

Гибель адмирала Канариса

© Сушинский Б.И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Часть первая

1

Специальный поезд фюрера, направлявшийся из ставки «Волчье логово» в Берлин, медленно, словно бы прошупывая пространство перед собой передними, «противоминными», вагонами, приближался к Одру. Позади в предвечерних сумерках растворялись пойменные, окаймленные чахлыми рощами да перелесками луга Померании, а впереди вырисовывалось холмистое прибрежное пространство какой-то неприметной возвышенности.

Однако всего этого фюрер не замечал. Со смертной тоской в глазах он смотрел в окно, и было в его взгляде что-то от обреченности человека, которого уже нигде в этом мире не ждут и которому все равно, в какие края забросит его предательски безразличная к нему судьба.

Генералы вермахта и чины СС из его ближайшего окружения все еще всячески декларировали свою радость по поводу чудесного спасения при взрыве «бомбы Штауффенберга»¹. Вот только в искренность чувств большинства из них Гитлер уже не верил. Они предали его! Все, без исключения, – предали! Все это скопище генералов и фельдмаршалов самым наглым образом отсеклось от него – вот что открылось фюреру, как только улеглись пыль и гарь от этого предательского взрыва.

В оценке их предательских отречений фюрер уже отказывался снисходить до отдельных имен, дабы не терзать себя излишними сомнениями, а загонял весь военно-политический бомонд рейха под коллективную, круговую ответственность.

Как эти ничтожества могли позволить себе такое, недоумевал Адольф. Словно это не они еще вчера подобострастно вытягивались перед ним; не они лебезили, выпрашивая или благодарственно принимая дарованные фюрером Великогерманского рейха чины, должности и награды.

Гитлер нисколько не сомневался, что в эти тяжелые для Германии дни вся верхушка армии, партии, полиции или уже предала его, или же готова предать при первом удобном случае. Просто одни решились на конкретные действия и, сидя в штабах, в течение многих дней планировали его убийство и связанный с ним военно-государственный переворот; другие же на такие действия не решались, однако знали о них и ждали момента, чтобы, уже после гибели фюрера, присоединиться к заговорщикам. Третьи не знали, но догадывались и теперь сожалеют, что покушение «однорукому полковнику» не удалось, а следовательно, фюрерская агония власти продлится еще несколько месяцев.

«Гибель фюрера была бы спасительной и для Германии, и для него самого», – прочел он в одном из представленных ему председателем Народного суда протоколов. В последнее время эта фраза вспоминалась ему тем чаще, чем ярче и убедительнее вырисовывался перед ним ее скрытый, философский смысл. Чтобы остаться в истории нации истинным героем, нужно погибнуть на пике славы, а не тогда, когда уже приходится хвататься за ее обломки, мучительно выясняя для себя степень искренности каждого из своих подчиненных – даже тех, кто эту искренность пока еще стремится демонстрировать. А демонстрируют уже немногие. Особенно болезненную подозрительность вызывали у фюрера люди, лично пообщавшись с которыми после взрыва он пока еще не успел.

¹ События происходят после неудачного покушения на Гитлера, осуществленного полковником графом Шенком фон Штауффенбергом 20 июля 1944 г., когда в ходе кровавых чисток в рядах генералитета прямая угроза ареста нависла над многими, в том числе и над шефом абвера адмиралом Вильгельмом Канарисом. – *Здесь и далее примеч. авт.*

А как же страстно, как по-садиистски мстительно хотелось Гитлеру видеть их перед собой, чтобы «читать» и наизнанку выворачивать их лживые глаза, их плутовские улыбки, их наглые рожи и червивые, гнилые души!

– Кальтенбруннер прибыл, мой фюрер, – неслышно появился в двери просторного, на полвагона, личного купе Гитлера обергруппенфюрер Шауб². Произнес он это, несколько секунд горестно понаблюдав за тем, как Адольф сидит у окна, ссутулившись, наваливаясь тощими локтями на костлявые, нервно подрагивающие коленки и упираясь лбом в вагонное стекло.

Гитлер с трудом оторвал голову от окна, натужно повернулся лицом к адъютанту и едва слышно спросил:

– Что ты сказал, Шауб?

Адъютант набыченно уперся грудью в подбородок – как делал всегда, когда фюрер позволял себе резко прерывать его или, наоборот, вкрадчиво переспрашивать, – и, прочистив голос натужным кряхтением, произнес:

– По вашему приказанию обергруппенфюрер Кальтенбруннер был вызван мною в ставку. Но поскольку обстоятельства сложились так, что он не успел прибыть туда до вашего отъезда...

– А почему он не успел прибыть туда, если получил мой вызов? – не резко, но с откровенной подозрительностью прервал его Гитлер. Он уловил в речи адъютанта явную витиеватость, а ему было хорошо известно, что, как только Шауб пытается «удариться в дипломатию», он либо старается кого-то выгородить, либо, наоборот, «растерзать волей фюрера».

– Обергруппенфюрер и не мог успеть. Распоряжение о прибытии в ставку он получил, не будучи в Берлине, к тому же...

– Почему все они, – упрямо не слышал своего адъютанта фюрер, – исключительно все: Гиммлер, Кальтенбруннер, Шелленберг, Мюллер, Борман... – позволяют себе опаздывать, когда я срочно приглашаю их в ставку?

– Видимо, так сложились...

– Чем это продиктовано, – все так же медлительно и властно продолжал изливать свои сомнения Гитлер, – а главное, чем оно может быть объяснено?

...Шауб вдруг поймал себя на мысли, что Гитлер говорит сейчас точно так же, как говорил бы на его месте русский диктатор Сталин. Манера общения, манера демонстрации гнева и подозрительности русского обер-коммуниста настолько разительно отличались от обычных манер Адольфа, что не заметить этого подражания попросту невозможно. Причем впадал в это состояние фюрер всякий раз, когда просматривал смонтированный специально для него фильм о «вожде мирового пролетариата». А в последнее время он штудировал его все чаще, заставляя киномеханика ставки завершать этой лентой обычную фронтовую хронику. Что заставляет Гитлера вновь и вновь всматриваться в экранный образ фюрера большевиков – зависть, любопытство, стремление проникнуть в тайну его успеха, в таинство характера и психики? Многое Шауб отдал бы, чтобы получить ответ на этот вопрос.

– Кальтенбруннер, несомненно, предан вам, – поспешил заверить фюрера адъютант, по перечню фамилий уловив, к чему клонит этот разуверившийся в себе и людях, истощенный покушением и порожденным им нервным срывом вождь.

– Откуда тебе знать, Шауб?! – раздраженно проворчал Гитлер, который всегда болезненно реагировал на любые попытки заступиться за кого бы то ни было. Что, однако, никогда не отрезвляло адъютанта. – Тебе-то откуда знать?

² Обергруппенфюрер (генерал-полковник) Шауб. Личный адъютант фюрера. После нацистского путча в ноябре 1923 г. сидел вместе с Гитлером в Ландсбергской тюрьме и поэтому до конца оставался его наиболее доверенным лицом. Именно Шаубу в апреле 1945 г. фюрер поручил вылететь в Мюнхен и уничтожить свой секретный архив, в частности, все стенографические отчеты проводимых им военных совещаний, которые хранились в Мюнхене с 1942 г.

Такое отношение к нему фюрера, конечно же, задевало самолюбие Шауба, но он давно успел убедить себя, что самолюбие с должностью адъютанта несовместимо. Во всяком случае, это не та должность, при которой он имеет право демонстрировать свою гордыню. Хотя и не скрывал, что, являясь одним из зачинателей национал-социалистского движения и пребывая в чине обергруппенфюрера, имеет право на какую-то более солидную позицию в рейхе, нежели положение полуслуги. Пусть даже и самого Гитлера.

Единственное, что удерживало Шауба от роптания, так это все отчетливее проявлявшееся в нем к концу войны чувство опекунской, почти отцовской ответственности за самого фюрера. А следовательно, за все величественное и в то же время хрупкое здание, которое Гитлер сотворил из Германской земли и германского народа и которое теперь уже с трудом, подобно состарившемуся, смертельно уставшему атланту, удерживает на своих согбенных, поникших плечах. Увы!.. согбенных и поникших...

– Даже если все остальные отвернутся от нас, мой фюрер, Кальтенбруннер останется преданным, как верный пес. Потому что это... Кальтенбруннер.

– Тогда почему же он позволяет себе не являться по моему приказу?..

– Просто вы слишком неожиданно приказали подготовить свой «фюрер-поезд» и покинули «Вольфшанце», мой фюрер. Неожиданно даже для гарнизона ставки. Это дезориентирует людей; многие не успевают выяснить, где вы на самом деле находитесь в то или иное время.

Сам Шауб не ощущал какой-то особой приязни к начальнику Главного управления имперской безопасности (РСХА) – грубому и слишком простому, который так и не сумел дотянуться до твердости и влиятельности своего предшественника Райнхарда Гейдриха³. Но как адъютант фюрера, он отдавал себе отчет в том, что Гейдриха из могилы не поднять, а терять такого преданного, неамбициозного шефа службы имперской безопасности, каковым является Кальтенбруннер, непозволительно. Впрочем, теперь для фюрера уже многое становилось слишком непозволительным; вот только жаль, что он все еще упорно не осознавал этого.

– Если Кальтенбруннер опоздал к моему отъезду, если даже не догадывался о нем, тогда откуда он здесь взялся? – вдруг совершенно угасшим голосом поинтересовался Гитлер.

И Шаубу уже в который раз подумалось о том, как непростительно часто вождь оказывается подверженным своим минутным вспышкам гнева и подозрительности и какими страшными последствиями для рейха эти вспышки могут оборачиваться.

– Узнав о вашем отсутствии в ставке, начальник Главного управления имперской безопасности приказал пилоту приземлиться на одном из запасных полевых аэродромов, а затем, пересев в машину, сумел перехватить наш поезд на ближайшей станции.

– Хотите сказать, что полет ему организовал Геринг? – спросил Адольф и, не дав адъютанту времени на ответ, еще более нервно подстегнул его: – Что вы молчите, Шауб?! Почему вы умолкаете как раз в то время, когда мне нужно, чтобы вы, наконец, заговорили?

– Не исключено, что к полету действительно причастен рейхсмаршал Геринг, – пожал плечами Шауб. – Или кто-то из командиров люфтваффе рангом ниже.

– Геринг и Кальтенбруннер? – уже не обращал на него внимания фюрер. – Странная пара. Не знал об этом. И давно эти двое сдружились? – Хищноватый прищур.

– Н-не з-знаю, – отчаянно повертел головой Шауб.

– А должны бы знать, – резко осадил его вождь и саркастически скривился. – Хорошо еще, что при Кальтенбруннере не оказалось взрывчатки. Или все-таки прихватил?

³ Райнхард Гейдрих (1904–1942) – обергруппенфюрер СС, предшественник Кальтенбруннера на посту шефа РСХА. С 1941 г. исполнял также обязанности рейхспротектора Богемии и Моравии. По официальной версии, погиб от рук чешских партизан, хотя существует и другая версия, – что якобы это убийство было организовано не без помощи самой СД, то есть службы безопасности СС, поскольку там сочли, что этот человек становится слишком независимым, строптивым и влиятельным, а значит, и слишком опасным для фюрера и рейха.

– Это исключено, мой фюрер. – Это был юмор протеста и отчаяния, и хорошо, что он остался без внимания.

– Разве кто-нибудь из охраны удосужился заглянуть в его служебный портфель?⁴ – уныло пробубнил Гитлер, вновь упираясь лбом в прохладное и слегка влажноватое стекло вагонного окна.

– На такое вряд ли кто-либо из охранников решился бы, – покачал головой Шауб.

– Почему не решился бы? Только потому, что он – Кальтенбруннер?

– Но согласитесь: все-таки речь идет о Кальтенбруннере, – бесстрастно признал адъютант. – Слава Богу, кое-какое уважение к высоким чинам рейха у наших воинов все еще осталось.

– А полковника Штауффенберга они не обыскали только потому, что он граф?

– Согласен, мой фюрер. Кальтенбруннер – это одно, но Штауффенберг!.. Уж этого одно-рукого и одноглазого они попросту обязаны были обыскать.

– Потому и спрашиваю, адъютант: кому нужна такая охрана? При чем такая охрана... фюрера?!

– Меры уже приняты, мой фюрер.

– Эти бездари в эсэсовских мундирах, возмнившие себя элитой вооруженных сил, не способны уже ни воевать за своего фюрера, ни охранять его. Ни на «Лейбштандарт»⁵, ни на «Дас рейх» или «Мертвую голову» – ни на кого нельзя положиться!

– ... Что же касается Кальтенбруннера, то он сидел в вагоне охраны буквально на ходу, – слегка приукрасил адъютант рвение шефа РСХА, стараясь не обращать при этом внимания на ворчание фюрера. Он обладал удивительной способностью менять тему разговора, навязывая Гитлеру нужную мысль.

Обергруппенфюрер прекрасно понимал, что, если под подозрение действительно попадут еще и эти трое из верхушки СД и СС, полетят десятки голов из РСХА и штаба рейхсфюрера СС Гиммлера. И, что самое страшное, – голов, все еще преданных фюреру, а их, увы, и так становилось все меньше и меньше.

Шауб никогда не забывал, что он – один из тех, кто начинал вместе с фюрером это немисливо тяжелое восхождение к вершинам – рейха, славы, арийского духа. Он знал, с какими муками создавалась библия национал-социалиста «Майн кампф»; знал, как вел себя фюрер в камере Ландсбергской тюрьмы, как фанатично он верил в покровительство Высших Посвященных – и как панически боится теперь потерять хоть какую-то толику своей безраздельной власти. Даже не жизнь, нет: больше самой жизни он боится потерять власть! Только она являлась для Шикльгрубера-Гитлера подлинным мерилем личности, высшим критерием человеческого духа и главной ценностью существования.

«Фюрер привык властвовать над всеми нами, и в этом его сила, – раздумывал Шауб. – Однако сам он беспомощен перед силой власти, и в этом его слабость!» С той поры, как Шауб стал личным адъютантом фюрера, в нем жил великий, но пока еще никем не оцененный философ.

⁴ Здесь – напоминание о том, что начальник штаба армии резерва полковник граф фон Штауффенберг пронес взрывчатку в ставку «Вольфшанце» в своем служебном портфеле, и это было справедливо расценено фюрером как серьезная недоработка охраны.

⁵ Имеется в виду дивизия «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», которая считалась избранной даже среди дивизий войск СС.

2

Вот уже в течение получаса Канарис⁶ сидел, откинувшись на спинку кресла, и сосредоточенно, почти ожесточенно разминал нервно вздрагивавшие жилистые руки. Взгляд его при этом был устремлен куда-то в утреннюю серость окна, а подбородок время от времени подергивался снизу вверх, словно адмирал пытался забросить на затылок «копну» давно поредевших, основательно подернутых сединой волос. Это было привычное состояние души и тела стареющего шефа разведки. Теперь уже бывшего шефа...

Когда адмирал нервничал, он не курил, не искал успокоения в рюмке-другой коньяку и уж тем более не метался по кабинету, истапывая и без того затоптанный «беспородный» ковер, доставшийся ему по наследству от предшественников. Да, по наследству – вместе с этим неухоженным кабинетом на улице Тирпицуфер, 74–76, горой «личных дел» и подборками донесений бездарных по самой своей природе или же давно перевербованных агентов; со всеми теми склоками и подозрениями, которые все напористее умерщвляли абвер висельничными петлями, оскверняя саму святость древнего ремесла разведчика.

Формально новая штаб-квартира Канариса находилась в небольшом, захолустном пригороде Потсдама, однако адмирал не спешил перебазироваться туда – все оттягивал, выжидая, какой будет реакция Гимmlера на его затянувшееся новоселье. Поначалу Канарис словно бы испытывал фюрера и высшее руководство страны на терпеливость и способность смириться с его существованием вне абвера, вне высшего военно-политического командования и уже как бы вне войны. С одной стороны, чисто подсознательно адмиралу хотелось, чтобы о нем как можно скорее и основательнее забыли, избавляя, таким образом, от подозрений и преследований; с другой – он слишком болезненно, уязвленно воспринимал это забытие, а следовательно, и свою ненужность.

Впрочем, так было лишь в начале его почетной отставки. Изменялись обстоятельства, изменялось и отношение к ним Канариса.

Да, ни руководитель СС, ни сам фюрер теперь уже действительно не обращали на него внимания. Но ведь и сам абвер как самостоятельная организация прекратил свое существование, поскольку его отделы расчленили между подразделениями Главного управления имперской безопасности. Так что теперь и «верховное забытие» начало восприниматься адмиралом как нечто само собой разумеющееся – и уже почти не раздражало его.

Мало того, Канарис вдруг открыл для себя странную, любопытную закономерность: когда он только восходил к вершинам своей карьеры, любое, пусть даже очень кратковременное и кажущееся, забвение представлялось провалом, срывом, трагедией; теперь же, в суе чистки всего фюрерского окружения, он интуитивно пытался найти спасение именно в этом забвении вождя. Временами ему, старому моряку, хотелось зарыться в ил и замереть там в «зимней спячке», до оттепели военного поражения.

Адмирал взглянул на портрет генерала Франко. Портрет этого кабальеро неизменно висел в кабинете Канариса – с того самого дня, когда адмирал впервые навестил вождя фалангистов в разгар гражданской войны в Испании. Да, почти у всех, кому пришлось побывать в этом кабинете, портрет Франко вызывал недоумение: с какой стати?! Тем более что настенный портрет фюрера в этом кабинете так и не появился. Но мнение остальных людей по этому

⁶ Вильгельм Франц Канарис (1887–1945) – немецкий военный деятель, адмирал. Родился в г. Аплербеке (теперь это один из районов Дортмунда), в семье управляющего металлургического завода. Закончил Морской кадетский корпус в Киле. Служил на крейсере «Дрезден», командовал субмариной, занимал различные штабные должности. В 1938–1944 гг. был начальником разведывательного управления Верховного командования вооруженных сил Германии (то есть начальником абвера; в некоторых источниках его еще называют «начальником военной разведки и контрразведки»). Казнен в апреле 1945 г. как один из участников июльского (1944) заговора против фюрера.

поводу адмирала не интересовало. Как не смущало и то, что лишь немногие знали: с вождем испанских фашистов Канарис познакомился более тридцати лет назад, когда тот был всего лишь майором. И что именно он, германский морской офицер Канарис по кличке Маленький Грек⁷, сумел убедить сначала Геринга, а с его помощью – и Гитлера, чтобы те взяли испанского путчиста Франко под крыло имперского орла.

Когда это происходило – в июне, в июле?.. Кажется, все же в июле тридцать шестого. Фюрер не просто пригласил его на секретное совещание высшего руководства рейха с участием Геринга и военного министра фельдмаршала фон Бломберга, но и попросил доложить о ситуации в Испании. Что и говорить: это было его, адмирала Канариса, время!

Доклад выдался сжатым, предельно насыщенным аргументами, а главное, очень решительным. Фюрер не просто прислушивался к мнению своего обер-разведчика, он ловил каждое его слово. Как и Геринг, который, кажется, готов был лично отправиться в Мадрид, чтобы принять на себя командование франкистской авиацией. Даже всегда скрытный и желчный Бломберг, и тот был вынужден признать, что доводы шефа разведки «заставляют задуматься об особенностях дальнейшего германо-испанского сотрудничества»... дипломат недоношенный!

Когда, завершая эту «тайную политическую вечерю», Гитлер заявил, что отныне генерал Франко должен рассматриваться как надежный союзник рейха и ему следует оказать всевозможную военно-политическую, техническую и финансовую помощь, адмирал воспринял это как триумф своей дальновидности. И вместе с Герингом готов был немедленно мчаться на аэродром, чтобы лично разделить радость этого признания с «испанским дуче».

В тот раз с полетом, конечно, пришлось повременить, зато поздно ночью резидент абвера в Мадриде принял по радиосвязи всего лишь одну лаконичную фразу, причем в сугубо испанском духе: «Фиеста была изумительной». Однако этих слов оказалось достаточно, чтобы генерал Франко возликовал: его надежды сбылись! Отныне проблем с финансированием и международной поддержкой его движения не существует!

И после того как Франко оказался во главе покоренной его фалангистами Испании, он не забыл о своем германском друге, который не раз приходил ему на помощь, оставаясь надежным связным между ним и руководством рейха. Как не забыл и о том, что в предоставлении ему пяти миллиардов марок кредита есть заслуга и его, Канариса. Да и германский авиационный корпус «Кондор», успешно противостоявший авиации прокоммунистически настроенных республиканцев, тоже появился в небе над Мадридом не сам по себе... Как и несколько тысяч германских военнослужащих, переброской которых, вместе с вооружением, тоже пришлось заниматься ему – «постепенно и подозрительно испанизирующемуся», как однажды мрачно пошутил Гейдрих, сухопутному моряку Канарису.

Адмирал взял со столика бокал с красным вином и долго всматривался в кровавистую жидкость, словно намеревался утолить душу спасительным ядом. Едва пригубив, Канарис вновь закрыл глаза и блаженно откинулся на спинку кресла. Как и всегда, когда он мечтательно обращался к Испании, в его памяти воссоздавался некий безымянный мыс в заливе Росас, с вершины которого можно было любоваться пенистыми прибрежными банками Коста-Брава. А еще – черноволосая каталонка, миниатюрная, с точеным римским носиком и неподражаемыми очертаниями бедер – да скромный одноэтажный особнячок, приютившийся в долине, между мысом и окаймленным сосновыми рощицами плато... И всего три дня, на которые он смог уединиться, презрев при этом все посольские дела, утомительно привязывавшие его к Мадриду.

⁷ По одной из версий, предком адмирала был один из руководителей греческого национально-освободительного движения, морской офицер Константин Канарис, возглавлявший борьбу с турецкими захватчиками в 20-е гг. XIX в. и сумевший в одной из битв разгромить турецкий флот. Родство с этим национальным героем Греции так и осталось недоказанным, а вот «греческий след» в его родословной биографии вроде бы действительно установили.

Формально Канарис прибыл туда, чтобы приобрести этот особняк на подставное имя и затем превратить его в явочную квартиру германской разведки. Близость Франции и Андорры, малообжитые места и глубоководная бухта, в которую свободно могли входить подводные лодки, представлялась идеальным плацдармом и для разведки, и для возможных десантных операций. В небольшом городке, на окраине которого располагался его «абвер-особняк», уже обосновалось около сорока германских семейств, и у Канариса родилась шальная идея: постепенно скупить его весь – и германизировать.

Пикантность ситуации заключалась еще и в том, что в Каталонии созревали гроздья сепаратизма, в соках которого уже бродила идея независимого Каталонского королевства. Группа националистов, обосновавшаяся в Матаро – пригороде Барселоны, упорно искала связи, пытаясь выйти через руководителя абвера на германское руководство. Именно они и подставили Канарису ту некрасивую лицом, но очень жгучую каталонку из герцогского рода, которая безоглядно решила положить свою женскую честь на алтарь возрождающейся каталонской монархии.

Все зашло настолько далеко, что герцогиня даже предложила Канарису стать ее супругом – с тем, чтобы овладеть титулом герцога. Письменная, нотариально заверенная гарантия была бы предоставлена ему сразу же после помолвки. Как оказалось, на нее, сепаратистку, произвел огромное впечатление рассказ сослуживца Вильгельма, морского офицера Франка Брефта, о переговорах обер-лейтенанта Канариса с президентом Венесуэлы. Как, впрочем, и о его побеге из лагеря интернированных германских моряков на каком-то чилийском островке, и всей той одиссее, которая сотворилась во время его тайного, под чужим именем и поддельными документами, рейда из Латинской Америки в Германию. Очевидно, герцогиня решила, что именно такой супруг способен возглавить – под ее патронатом – национально-освободительное монархистское движение Каталонии.

Поначалу моряк воспринимал все ее порывы то ли как шутку, то ли как прихоть избалованной аристократки. Но уже после разлуки с этой странной сеньорой случайно выяснилось, что герцогиня и в самом деле провела сложные переговоры со своей отечественной и зарубежной родней, а также с двумя приближенными к папе римскому кардиналами. Понятно, что у тех был свой интерес в Каталонии, зато при заключении союза герцогини с Канарисом именно они должны были выступить в роли поручителей.

При этом для герцогини не было тайной, что ее избранник является резидентом германской военной разведки. Однако сепаратистку это не смущало – скорее, наоборот, придавало ему вес в глазах тех ее друзей, которые готовы были пожертвовать всем на свете, только бы однажды проснуться под флагом независимой Каталонии. Словом, операция была разработана с размахом. Вот только оставалось загадкой, кто стоял за ней, кроме герцогини. Была ли она автором этой авантюры или же ее всего лишь использовали?

Кстати, кроме всего прочего, герцогиня позаботилась о том, чтобы ее супругу была выделена рента и обеспечена должность военного атташе в одной из стран. Именно этот ход сразу же вызвал у капитан-лейтенанта подозрение: так вот каким образом от него захотят избавиться, когда уже не будут нуждаться в его услугах! И еще одно: в свое время у Канариса закралось подозрение в том, что «каталонский проект» стал одним из запасных вариантов для кого-то из очень высокопоставленных лиц в Мадриде на тот случай, если его путь к вершине власти будет решительно прерван.

Проверить все эти сведения Канарис, правда, не удосужился – не до этого было, – но в душе искренне верил им. И верит до сих пор. Слишком уж обстоятельной выглядела в его глазах эта пылкая особа, уже видевшая себя на троне возрожденного при помощи германских добровольцев Каталонского королевства.

Почему он, к тому времени уже закоренелый авантюрист, не решился на столь ослепительную авантюру – этого Канарис объяснить себе так и не смог. Как не смог объяснить и

того, почему герцогиня и ее люди так неожиданно быстро и совершенно безболезненно остыли к идее брака и вообще по отношению к его личности. Оскорбительно быстро! При том, что причины и механизм «отката» остались такими же непонятными, как и сам этот «герцогский наскок».

Впрочем, это уже детали. Все прожекты, связанные с воссозданием Великой Каталонии и сотворением шпионской Мекки на берегу Коста-Брава, вскоре развеялись, а сладостные воспоминания трех ночей, проведенных в обществе герцогини Каталонской, как Маленький Грек называл ее про себя, остались в его воспоминаниях навсегда. Они посещали Канариса даже после того, как в его любовницах оказалась одна ослепительная голландка.

3

«...Однако вернемся к Франко, – сказал себе обер-шпион, отпивая очередную порцию вина. – И на сей раз каталонскими страстями постарайся не увлекаться. Не забывай, что генерал Франко – не только твой спаситель во время войны, но и послевоенный покровитель. Так что пора принимать решение».

Особенно расчувствовался Франко после того, как узнал, что сразу же после «берлинской фиесты» Канарис лично отправился в Италию, чтобы там, вместе с руководителем итальянской разведки генералом Роаттой, склонить на его сторону Муссолини. Это было непростое, поскольку дуче слишком ревниво следил за появлением в Европе еще одного вождя. Он-то считал, что международное фашистское движение должно почитать только одного лидера – Муссолини. Даже Гитлера амбициозный Бенито воспринимал всего лишь как его, «великого дуче Италии», безликую тень.

Встреча, которую генерал Франко устроил затем в Мадриде руководителю абвера, превосходила все ожидания. Но дело не в этом. Все там, конечно, было: и пышные приемы, и случайно оказывавшиеся на его тщательно охраняемой вилле страстные испанки, и инспекционные поездки на передовую, в которые Канарис отправлялся куда охотнее, нежели на очередную загородную прогулку, чем, к слову, очень удивлял Франко...

Адмирал до сих пор помнит контратаку батальона франкистов у Канделеды, в отрогах горного массива Сьерра-де-Гредос, в котором почти все это подразделение полегло в штыковой атаке на глазах у вождя.

– Вы видели, адмирал?! Вы ведь видели все это своими глазами! Они погибали с тем же презрением к смерти и тем же благоговением к своему полководцу, с какими в свое время погибала французская старая гвардия на глазах у Наполеона! – возбужденно произнес Франко, садясь после окончания боя в свой броневик.

– Внушительное зрелище, – мрачновато признал адмирал, не решаясь напомнить Франко, что тот лишился еще одного своего отборного батальона, не получив при этом никаких доказательств его победы.

– Фюрер должен знать, с каким мужеством мои парни сражаются с русскими, с коммунистами – со всеми теми, с кем германцам еще только предстоит схлестнуться. Знать и по достоинству ценить.

Канарис тогда промолчал. Он видел, что в течение всей этой кровавой штыковой схватки генерал созерцал гибель своих солдат, как если бы созерцал резню гладиаторов на арене Колизея. А потом покинул свою «сенаторскую трибуну», даже не поинтересовавшись, за кем же в конечном итоге осталось поле сражения. Однако подражал при этом не Наполеону, а... Муссолини. Именно Муссолини. И это сразу же бросалось в глаза.

В тот раз адмирал вернулся из Испании с твердым убеждением, что Гитлер, Франко, вожди английских, норвежских, бельгийских, хорватских и всех прочих фашистов – все они, в общем-то, порождены феноменом Муссолини; все, с той или иной степенью бездарности, старались подражать ему...

– Зачем вам это, адмирал? – не удержался Франко, заметив, что при виде кровавого месива, открывавшегося им с небольшого пригорка, на котором остановилась их бронемашина, Канариса едва не стошнило. – Это ведь не ваша война. Так почему бы вам не побереечь нервы?

– Хочу представить себе, как будет выглядеть война, которая станет «нашей», – сдержанно ответил руководитель абвера.

– Здесь, на территории Испании?! – насторожился Франко.

– Скорее всего, Испании она не коснется, поскольку к тому времени в ней окончательно утвердятся вы, наш союзник и единомышленник.

– Вот именно, союзник. Это принципиально важно, принципиально, – взволнованно подтвердил Франко.

– Тем не менее это будет война, от которой нам уже не откреститься, как официально приходится отрешиваться от вашей. Причем отрешиваться настолько, что мы даже предаем суду германских офицеров, осмеливающихся сообщать своим родным, в какую именно страну их отправляют⁸.

Тогда, при виде растерзанных тел на берегу речушки, Канариса не стошнило; зато это едва не произошло потом, когда буквально в двух километрах от этой бойни, в ресторане какого-то провинциальном отельчика, Франко устроил «походную фиесту для своего преданного германского друга». И на стол перед ним положили любимое генералом местное блюдо – кусок полусырой, в запекшейся крови, говядины.

...Однако дело не во всей этой визитерской суете. Адмирал терпеть не мог пышных действ, кем бы и по какому поводу они ни организовывались. А вот то, что Франко помнил о его услугах, что, взойдя на испанский «трон», не возгордился и не забыл о скромном шефе германской военной разведки, – это Канарис в испанском диктаторе ценил.

«Так, может быть, теперь самое время укрыться под крылом этого испанского каба-льеро? – вновь устало взглянул адмирал на фотографию бравого генерала. – А что, над этим стоит задуматься! Не зря же Геринг намекнул, что фюрер не решится расправиться с тобой, поскольку опасается гнева Франко. Того последнего правителя, который в роковой час способен укрыть его самого. Можно, конечно, попытаться, но помни, что теперь ты уже не всесильный шеф всесильного абвера. И Франко прекрасно понимает это».

Что ни говори, а фюрер отстранил его от руководства абвером; вся служба военной разведки и контрразведки перешла теперь в ведение Главного управления имперской безопасности, а точнее, под руку Шелленберга. Единственное, что пока что оставалось в его собственном ведении, так это его служебный кабинет.

Назначив Канариса «адмиралом по особым поручениям при фюрере», а также начальником Особого штаба по экономической борьбе с врагами при Верховном главнокомандующем, Гитлер позволил ему временно занимать тот же служебный кабинет, который Канарис занимал, будучи руководителем абвера. Точнее, не запретил ему делать это. Так было удобно всем и во всех отношениях. Впрочем, в восприятии Канариса да и самого фюрера, не говоря уже о Гиммлере, деятельность этого штаба представляла настолько призрачной – а с учетом ситуации на фронтах еще и совершенно бессмысленной, – что по-настоящему создавать его уже никто и не собирался. Тем более что теперь Канарис даже не пытался имитировать некую бурную деятельность.

Он, конечно, получил в свое распоряжение несколько давних агентов абвера, имеющих кое-какое отношение к промышленности вражеских стран. Не прилагая особых усилий, Канарис сумел также завести агентов в нескольких промышленных концернах Германии, используя их в роли контрразведчиков. Однако дальше этого дело не пошло. Поражение в войне становилось слишком уж очевидным, а территории рейха и его экономическое влияние столь катастрофически уменьшались, что о развертывании некоей полномасштабной экономической войны против русских или англо-американцев уже не могло быть и речи. Тем более что адмирал и не стремился к этому.

Осваиваясь с этим назначением, Канарис так и сказал себе: «Создавать штаб по экономической войне с “союзниками”, сейчас, в середине сорок четвертого?! Бред!» Хотя разве ему впервые было воплощать в жизнь бредовые идеи ефрейтора Шикльгубера?

⁸ Исторический факт: несколько германских офицеров-добровольцев, которые, перед отлетом в Испанию для войны на стороне Франко, допустили утечку информации, попали в гестапо и были преданы суду.

И вот теперь всей своей служебной меланхолией Канарис как бы говорил фюреру и прочим недоброжелателям: «Вы хотите видеть меня в должности руководителя этого ничего не решающего, ничтожного штаба? Воля ваша. Я же со своей стороны не стану ни разочаровывать своим усердием, ни убеждать в своем бессилии».

Канарис никогда не забывал, что его бывший непосредственный подчиненный, генерал Остер, все еще томится в подземельях гестапо, а несколько высокопоставленных военных, имевших отношение к заговору против фюрера, уже казнены. Так что же ему еще оставалось, кроме как радоваться каждому дню, проведенному без ареста и приближающему его к спасительному окончанию войны?

– К спасительному... окончанию? – с ироничной мечтательностью пробормотал он. – К окончанию – да. Но спасительному ли?

В последнее время адмирал все чаще заговаривал с самим собой, хотя прекрасно понимал, насколько пагубна для разведчика эта привычка. Еще страшнее и пагубнее, чем болтовня во время сна. А Канарис все еще старался жить по канонам разведки, ритуально придерживаясь тех жестких правил и табу, без которых никто в мире ничего серьезного в разведке не достигал. Никто, кроме, разве что, Маты Хари⁹, позволявшей себе растерзывать само представление о методах шпионажа, конспирации и всем прочем, что составляло «святые папирусы» тайнознания разведки. Во всяком случае, таковой, легендарно незаурядной, она предстает теперь в буйных фантазиях некоторых коллег Канариса; фантазии эти со временем стали появляться и у самого адмирала. Правда, воздействие их всегда было кратковременным и противоречивым, поскольку в действительности насчет этой «постельно-мифической Сирены от разведки» у адмирала было свое собственное мнение, которое он тщательно скрывал. В конце концов, в его деле тоже должны существовать свои мифы и канонические лики. И развенчивать их – последнее дело.

⁹ Мата Хари, она же Маргарет Гертруда Зелле (встречается также написание: Целле, Залле, Зале, Зеле, 1876–1917), – голландка по национальности, германская и французская шпионка-«двойник». Происходила из семьи ремесленника-шляпника, из голландского городка Лауварден. Профессиональная танцовщица. Влюбившись в молодого германского морского офицера и разведчика Вильгельма Канариса, стала агентом под кодовым номером «Н-21» германской разведки. Расстреляна как германская шпионка по приговору французского суда 15 октября 1917 г. под Парижем.

4

Шауб вышел из купе; едва удерживаясь на ногах при резких качках поезда, преодолел небольшую каморку для охраны, в которой дежурили два вооруженных автоматами офицера СС, и оказался в приемной фюрера.

Кальтенбруннер сидел за одним из столиков и нервно курил, часто поднося дрожащей рукой сигарету ко рту. Он был одним из самых заядлых и неумных курильщиков, каких только некурящему Шаубу приходилось видеть в своей жизни. К тому же адъютант знал, как эта страсть шефа РСХА не нравилась Гиммлеру.

За соседним столиком томились бездельем и неопределенностью три молчаливых армейских генерала, чьи дивизии расквартировывались в Восточной Пруссии, однако они держались особняком, ни в какой контакт с Кальтенбруннером не вступая; а возможно, даже не знали, кто это такой. Фюрер срочно вызвал этих генералов в «Вольфшанце», но поначалу не принял их, хотя и отпустить тоже не разрешил, а потом совершенно забыл об их существовании. Время от времени они с надеждой посматривали в сторону личного адъютанта фюрера, но ему казалось, что это была надежда людей, которым очень хотелось бы, чтобы при этом «вагонном дворе» о них так никогда и не вспомнили.

– Фюрер готов принять вас, обергруппенфюрер, – молвил адъютант и с интересом понаблюдал, как шеф РСХА медленно, неуклюже поднимается из-за своего столика, выпрямляясь во весь свой гигантский рост.

Мощный квадратный подбородок этого человека почти классически соответствовал представлению о его характере, а сросшаяся с плечами толстая шея точно так же свидетельствовала о его буйволиной силе и тюленьей неповоротливости.

– Что бы он хотел услышать от меня? – вполголоса пробасил Кальтенбруннер.

Шауб мило улыбнулся, поражаясь наивности заданного вопроса «самого страшного человека рейха». А действительно, что фюрер хотел бы услышать от начальника Главного управления имперской безопасности спустя несколько дней после взрыва, прогремевшего в его кабинете?

– Фюрер все еще раздражен, и, как вы понимаете, у него есть на то причины. Слишком уж многие генералы и офицеры оказались предателями или же людьми, не способными противостоять...

– Это понятно, – нетерпеливо перебил адъютанта обергруппенфюрер. – Меня интересует, что ему требуется от меня?

– Не заставляйте меня вещать устами фюрера, господин Кальтенбруннер, – и пергаментное лицо адъютанта стало еще более суровым, чем обычно. – Уже хотя бы потому, что фюрера это может оскорбить.

– Насколько мне известно, – попытался оправдаться начальник РСХА, – обо всех произведенных нами арестах высших должностных лиц рейха Гиммлер ему уже докладывал.

– Прежде всего, фюрер желает убедиться в вашей личной преданности ему.

– Неужели кто-либо может усомниться в этом?! – мгновенно взъярился Кальтенбруннер.

– Лично я никогда не усомнюсь в этом, – вежливо склонил голову Шауб.

– И всё, только вы?! – вдруг совершенно растерялся Кальтенбруннер. – А как остальные? Фюрер, например?

– Как вы понимаете, моего мнения о вашей личности недостаточно.

– Что еще нужно сделать мне как руководителю РСХА, чьи люди только что жесточайше подавили заговор против фюрера, чтобы он не сомневался в моей преданности рейху?

– Оставаться верным фюреру, – не задумываясь, обронил Шауб, вновь на какое-то время выбивая Кальтенбруннера из седла.

Лишь испепелив личного адъютанта суровым взглядом, обергруппенфюрер решился произнести:

– Никто так не предан ему в эти дни, как я. Никто в рейхе! – в голосе руководителя РСХА прозвучала явная обида. – Фюрер может не знать об этом, но вы, лично вы, не знать об этом не имеете права!

– Не сомневайтесь, обергруппенфюрер, уж мне-то известно все, – сурово заверил его Шауб, возрастая в собственных глазах.

– Уж вы-то – не имеете права, Шауб! – не стал вникать в тонкости речей адъютанта Кальтенбруннер. Сейчас он вел себя так, словно палачи уже тащили его к висельным крючьям, вбитым в стене внутреннего двора тюрьмы Плетцензее.

Говорил Кальтенбруннер хотя и громко, но слишком уж невнятно, притом с режущим ухо всякого берлинца австрийским акцентом. Во рту этого служаки большинства зубов уже не хватало; те же, что оставались, источали боль и неистребимый смрадный дух. Не зря Гиммлер – единственный, кто не гнушался делать ему по этому поводу замечания, – уже несколько раз прилюдно требовал от Эрнста всерьез заняться лечением у придворного стоматолога.

Однако всем присутствующим в вагоне было сейчас не до его «духа» и его произношения. Услышав этот рев гиганта со знаками отличия генерал-полковника СС, вермахтовские военачальники панически вздрогнули и мысленно обратили свои взоры к тому единственному, к кому еще имело смысл обращать его в этой разьедаемой поражениями, заговорами и всеобщей подозрительностью империи, – к Шаубу. В милосердие или хотя бы в благоразумие своего фюрера они уже не верили.

Шауб знал, что, при всей очевидной неприязни к нему со стороны Гитлера и некоторых других высших чинов рейха, Эрнст Кальтенбруннер всегда оставался фанатично преданным национал-социализму и лично фюреру. Причем преданность эта не поколебалась даже после того, как Эрнсту напрочь было отказано в его стремлении стать государственным секретарем имперской безопасности Австрии. С поста которого тот, скорее всего, намеревался со временем взойти на «трон» заместителя фюрера в Австрии. А там, кто знает, возможно, и на вполне реальный австрийский имперский трон.

Вот только эти его далеко идущие амбиции в свое время были разгаданы и развеяны еще Гейдрихом, презиравшим Эрнста уже хотя бы за его склонность к буйному пьянству и неисправимую скверность характера. Опасаясь появления еще одного фюрера, на сей раз – в только что присоединенной к рейху, а потому все еще преисполненной сепаратизма Австрии, тот, с одобрения фюрера, ограничил власть Кальтенбруннера всего лишь скромной должностью начальника СС и полиции в Вене. И только в минувшем, сорок третьем году фюрер вспомнил об одном из активнейших участников венского путча и назначил его начальником Главного управления имперской безопасности. С корнями вырвав его, таким образом, из Австрии, стать вождем которой Кальтенбруннер и теперь все еще намеревался.

Вспомнив сейчас об этом австро-имперском зуде, Шауб вдруг подумал: «А разве вождь-ленного устремления австрийца Кальтенбруннера к имперскому трону Вены недостаточно, чтобы привести его в лагерь заговорщиков, которые, конечно же, знают о вождельных мечтах шефа РСХА? Так почему фюрер не имеет права подозревать его если не в прямом участии в заговоре, то, по крайней мере, в сочувствии заговорщикам или в умышленном бездействии?»

Вот почему, выдержав пронизывающий взгляд карих глаз «венца», личный адъютант Гитлера властно произнес:

– Фюрер имеет право сомневаться в любом из нас, даже в том, в ком абсолютно не сомневается. – А проследив, как отдернулась назад и чуть влево голова Кальтенбруннера, ибо так она обычно отдергивалась всегда в момент его наивысшего удивления, не менее назидательно добавил: – Это все мы, каждый из нас, германцев, не имеем права ни на минуту усомниться в государственной мудрости и преданности нашему делу – великого фюрера.

– И только так, – растерянно пробубнил Кальтенбруннер, оказываясь бессильным против непоколебимой логики личного адъютанта фюрера.

– Или, может быть, вы уже придерживаетесь иного мнения, господин Кальтенбруннер? – все же решил окончательно «додавить» его Шауб. Прибегать к такому прессингу он не только любил, но и мастерски умел.

– У меня никогда не возникало мнения, которое бы расходилось с мнением фюрера.

– Возникало, обергруппенфюрер, возникало, – простецки возразил адъютант. – Когда речь шла о вашей карьере в Австрии. Вспомните: вы решили, что должны стать наместником фюрера в этой стране. В этой... бывшей стране, – исправился Шауб. – Однако фюрер рассудил иначе. У него было свое видение проблемы Австрии.

– Просто Гейдрих испугался, что вскоре я стану истинным правителем Австрии, – мрачно объяснил Кальтенбруннер. И тут же встревоженно спросил: – Неужели Адольф все еще помнит об этом?

– Кому-то хотелось стать наместником в Дании, кому-то приглянулась Франция, а кое-кто уже присматривался к норвежскому «трону», – пожал плечами Шауб, деликатно избегая упоминать о «наместнике Австрии». – А потом вдруг появляется некий однорукий и одноглазый полковник и пытается поднять на воздух ставку фюрера. Пытается или нет? Пытается. А ведь если бы эта авантюра ему удалась, все трое тронюльцев могли бы стать правителями этих стран. Так почему фюрер не имеет права подозревать каждого из них?

– Я не сделал бы ничего такого, что могло бы повредить фюреру, а значит, всему нашему движению. И вы, Шауб, прекрасно знаете это.

– Считайте, что лично меня в этом вы уже убедили, – по-иезуитски потупил глаза Шауб.

– Так и должно было произойти, – воинственно поиграл желваками Кальтенбруннер.

– Меня вы и в самом деле убедили, – повторил адъютант Гитлера, заставив при этом Кальтенбруннера насторожиться, – но теперь попытайтесь убедить в этом фюрера. И, как говорится в подобных случаях, не дай вам Бог оказаться недостаточно убедительным.

5

Мадрид изнывал от неожиданно сошедшей на него майской жары, и легкий ветерок, с трудом прорывавшийся к непритязательной вилле с предгорий Сьерра-де-Гвадаррама, лишь немного смягчал ее, безмятежно угасая в складках бирюзового балдахина, под которым остывали два разгоряченных тела.

Да, это были минуты их чувственной, любовной сиесты. «...И странно, – подумалось Канарису, – что испанцы до сих пор не ввели в своем языке и в своем быту такое понятие, как “любовная сиеста”. Впрочем, о “любовной фиесте” тебе слышать тоже не приходилось, хотя, казалось бы... Что такое любовь, как не праздник души и тела?»

– Ты все еще жаждешь меня, милый? – едва слышно проговорила Маргарет, нежно поводя губами по сокровеннейшему из мужских достоинств германского морского офицера.

– Пытаюсь, – в томном придыхании Канариса теперь уже сквозило больше усталости, нежели страсти, однако такие нюансы женщину не интересовали.

– В сексе, как и в танце, нужно жертвенно отдавать всего себя, до самосожжения.

– Я ведь уже сказал вам, что превратить меня в мужчину на одну ночь не удастся, – с едва уловимыми нотками мстительности напомнил ей Канарис. – Я – тот мужчина, который... навсегда. Независимо от того, в каком именно качестве он способен представлять перед вами.

При этом моряк прекрасно осознавал, что за женщина лежит рядом с ним и почему он это говорит. Вот только саму женщину эти его поучения не интриговали.

Маргарет Зелле, она же Мата Хари, была уверена, что одного прикосновения ее чувственных губ достаточно, чтобы возбудить все, что еще способно возбуждаться, и прекрасно знала, в какое мгновение следует в очередной раз оседлать своего Маленького Грека, чтобы не упустить тот сладострастный момент, когда это еще имело смысл. В конечном итоге Канарис потерял не только счет этим ее забегам страстей, но и способность чувственно воспринимать их.

– Признайся, что, восседая на тебе, ни одна женщина не способна была воспроизводить танец живота с такой самозабвенностью, с какой воспроизвожу я.

– Еще бы: движения профессионалки! Это улавливается сразу, в первые же мгновения близости, – признал Вильгельм.

– Вот именно: профессионалки, – с гордостью подтвердила голландка, не опасаясь, что признание ее профессионализма идет отнюдь не из-за танцевального мастерства.

Маргарет и в самом деле была постельной профессионалкой, для которой тело всякого мужчины, случайно оказавшегося вместе с ней в постели, превращалось в предмет любовных экзекуций. Именно так, экзекуций. Порой в постели Маргарет напоминала самой себе естествоиспытательницу, усердствующую над отданным ей на растерзание очередным мужским телом.

Капитан Коледо, вызвавшийся познакомиться Канариса с Матой Хари, буквально за час до того, как представить германца своей знакомой, сказал:

– Если, не доведи Господь, вы решите связать свою судьбу с этой женщиной, то запомните: нельзя позволять ей растрчивать свои силы на сцене.

– Но это было бы слишком жестоко: она ведь профессиональная танцовщица.

– В том-то и дело, что на подмостках она всего лишь танцовщица, – философски просветил его капитан, – а в постели – богиня.

– Не спорю, вам лучше знать... – скабрёзно ухмыльнулся Канарис.

– Ошибаетесь, – с грустью в глазах молвил Коледо, – мне как раз лучше было бы не знать...

И все же, наблюдая за тем, как самозабвенно эта «колониалка» танцует в небольшом зале отеля «Севилья», убажывая сытое благодущие иностранных промышленников, Вильгельм с

ним не согласился: наоборот, считал он, нельзя позволять этой женщине растрчивать себя на сексуальные оргии, поскольку на самом деле она создана для театра. И только теперь он вдруг понял, что же на самом деле имел в виду распутный командир 1-й королевской эскадрильи. Впрочем, ни театральные, ни постельные таланты этой голландской провинциалки германского разведчика не интересовали. Лично он собирался выяснять, чего эта танцовщица и фантазерка стоит на попрание международного шпионажа.

Виллу в пригороде Мадрида Посуэло-де-Аларконе, в которой они сейчас развлекались, капитан-лейтенант Канарис содержал за счет германской разведки, однако волноваться по этому поводу Мате Хари было не обязательно. Она уже знала, что ее Маленький Грек является сотрудником германского посольства в Испании, и догадывалась, что, пребывая в должности помощника морского атташе Германии корветтен-капитана фон Крона, тайно занимается вопросами поставок германскому флоту с территорий Испании и Португалии. И то и другое было правдой. Неправда же заключалась в том, что Вильгельм упорно пытался предстать перед ней в роли преуспевающего германского торговца.

Впрочем, все его потуги явиться ей в образе богатого и щедрого, Маргарет Зелле, дочь голландского шляпочника из Лаувардена, воспринимала с той же долей иронии, с каковой сам Маленький Грек воспринимал ее сбивчивые рассказы о временах, когда где-то в глубине Индии она пребывала в роли храмовой танцовщицы. При этом выводила свою родословную то от английской королевской династии и гордого, однако преследуемого клана некоей индийской княжны; то из рода какого-то воинственного генерала-индуса и нехоти подзагулявшей в Ист-Индии голландской аристократки.

В фантазиях своих, как и в откровенной лжи, Мата Хари не знала ни пределов, ни устали. В этом ее уже не раз изобличали, причем порой это происходило в солидных домах, в изысканном кругу и в самой грубой, безжалостной форме. А тут вдруг такой изысканный собеседник, с тонкими наводящими вопросами и с таким воистину щадящим отношением к проколам ее фантазии!

Мата Хари, конечно, понимала – точнее, даже нутром чувствовала, – что Маленький Грек не верит ни одному ее слову. Но поражалась она не его недоверию, а умению выслушивать; не его подозрительности, а стремлению познать логику столь откровенного вранья женщины, постигая при этом тайные порывы, каждодневно побуждавшие ее к этому вранью. Другое дело, что поначалу танцовщице и в голову не приходило, что германец уже испытывает ее на пригодность к шпионской профессии, что он уже видит в ней одну из своих ведущих агенток.

Прежде чем заманить Маргарет под этот бирюзовый балдахин, Канарис успел заполнить из Германии все сведения, которые только можно было собрать об этой танцорке, исполнительнице восточных, «колониальных» танцев Гаагского королевского театра. И сейчас Око Дня¹⁰, еще вчера выдававшая себя за дочь голландского колониста и работницы с чайной плантации с острова Ява, которую отец продал настоятелю какого-то храма, чтобы тот воспитал из нее храмовую танцовщицу, покаянно доказывала Канарису, что на самом деле ее родила некая английская аристократка, грешившая с недостойным ее положения индусом, принадлежавшим к касте неприкасаемых, и что даже здесь, в Европе, ее, Мату Хари, все еще преследуют индуистские религиозные фанатики... Всего лишь провинциальная лгунья!

Дочь мелкого голландского ремесленника, воспитывавшаяся после смерти матери у дальних родственников, она, бесприданница, в двадцать лет вынуждена была стать супругой сорокалетнего капитана колониальных войск Рудольфа Мак-Леода. Да и познакомилась с ним Маргарет по брачному объявлению, понимая при этом, что супруга офицеру понадобилась только потому, что он получил должность коменданта небольшой береговой крепостушки на одном из индонезийских островов и не желал, чтобы детей ему рожала ост-индийская аборигенка.

¹⁰ Око Дня (то есть солнце) – одна из версий перевода псевдонима Маргарет Зелле, предложенной самой Матой Хари.

«Офицер, состоявший на службе на Индийских островах, хотел бы познакомиться с молодой девушкой с целью заключения брака». На что можно было рассчитывать, откликаясь на такое брачное объявление незнакомого мужчины, на двадцать лет старше ее? Знал теперь Канарис и о том, что Маргарет успела стать матерью двоих детей, однако сынишка умер то ли от малярии, то ли еще от какой-то колониальной хвори, а дочь отобрал у нее бывший муж по решению суда. Говорят, он сумел доказать, что Мата Хари ведет образ жизни, недостойный истинной христианки, часто выпивает, да к тому же множество раз изменяла ему в супружестве. Наверное, ему не так уж и трудно было убедить судей в том, что женщина, зарабатывающая себе на хлеб исполнением каких-то странных тубильских танцев, к благоверным христианам принадлежать не может. Тем более что происходил этот судебный процесс уже в патриархально-богоугодной Голландии, куда бывший комендант крепости, так и не сумевший сделать настоящую армейскую карьеру, вернулся после своего выхода в отставку.

Когда Вильгельм сообщил, что ему известно о судьбе ее детей, Мата оскорбилась.

– Какая беспардонная ложь! – произнесла она возмущенным тоном и прервала любовные утех.

– То есть на самом деле детей у вас не было? – как можно деликатнее поинтересовался Канарис.

– Почему же не было? Ты что же, считаешь, что я не способна рожать наследников? Кому угодно, даже тебе, Маленькому Греку. – На сей раз это свое «Маленькому Греку» Маргарет произнесла с особым снисхождением.

– В голову не приходило предаваться подобным сомнениям.

– Неправда, ты в этом убежден, поскольку, заполучив мое досье, узнал, что твоя Мата Хари на целых одиннадцать лет старше тебя. Разница в возрасте – вот что тебя шокировало!

В принципе Маргарет была права: во время знакомства он понял, что женщина явно старше его, но даже предположить не мог, что разница в возрасте окажется столь существенной. Однако признаваться в этом не спешил.

– Ваш возраст, Мата, меня не шокирует, – как можно спокойнее и убедительнее произнес двадцативосьмилетний морской офицер. – Мне, моряку, приходилось затаскивать в постель и более... солидных женщин. К тому же вы все еще свежи, как юная богиня.

– Лжешь ты все... Однако слышать это приятно. И на всякий случай запомни: никакой суд не заставил бы меня отдать свою дочь этому колониальному пьянице и распутнику.

– Считайте, что навсегда убедили меня в этом.

– У меня действительно было двое детей. Было-было! – нервно зачастила она. – Как у всякой порядочной богобоязненной женщины.

– Разве я подверг эту версию сомнению? – вкрадчиво спросил Канарис.

– Вслух не подвергал, однако не поверил. Чутье подсказывает: не поверил.

Канарис внимательно присмотрелся к выражению ее лица: как всегда, оно оставалось красивым и цинично-холодным. После знакомства с Маргарет образ этого полуовального, со смугловатой кожей личика неотступно преследовал Канариса, являясь ему в вечерних и предутренних полубредовых видениях с маниакальной навязчивостью. В ее ангелоподобном лице – с точеным римским носиком, слегка раскосыми, цвета переспелой сливы глазками и высокими черными бровями вразлет – просматривалось что-то иконостасное; стоило запечатлеть его кистью церковного живописца, и можно было озарять его мифической благодатью любой христианский храм. Впрочем, теперь ореол святости просматривался в этом облике все реже, предательски открывая Канарису свое рисованное кукольное бездушие, припудренное налетом бездумности.

– Хорошо, что это чутье хоть понемногу просыпается в вас, Маргарет. Разведчику оно крайне необходимо. Особенно женское.

– И потом, вы назвали это мое сообщение «версией». Когда женщина говорит, что у нее было двое детей, то при чем здесь версия?

– В таком случае, поведайте, почему о своих детях вы говорите в прошедшем времени.

– Потому что их отравила служанка, любовница моего бывшего супруга.

Вильгельм взглянул на нее, как на вещающую с паперти храма городскую юродивую, однако ни один мускул на его лице не дрогнул.

– Отравила-отравила, причем самым садистским, мучительным способом! И не смотрите на меня так. Вы опять не верите мне, Канарис?!

– Не заставляйте меня после каждой высказанной вами версии клясться на Библии, – сухо предупредил ее капитан-лейтенант.

– Ну, как знаете, – мгновенно умиротворилась танцовщица. – История давняя, а шрамы сердца вспарывать не стоит. Тем более – на любовном ложе.

– Пошадим же самих себя и шрамы наших сердец, – оценил ее благоразумие Канарис.

Маргарет лукаво взглянула на него и вновь потянулась рукой к «источнику жизни». Служанка-отравительница и муж-предатель были преданы забвению.

Блаженно закрыв глаза, Канарис какое-то время предавался сексуальным усладам, совершенно забыв о том, что на самом деле встреча с Матой Хари была задумана как вербовочная; секс был всего лишь приложением к той миссии, ради которой он снимал этот особнячок.

Увлечшись ласками танцовщицы, Вильгельм уже решил было, что история о задушенных детях танцовщицы завершена, и был немало удивлен, когда голландка вновь заговорила таким взволнованным голосом, словно разговор их ни на минуту не прерывался.

– Я не заставляю вас клясться на Библии, мой Маленький Грек, но и вы тоже не заставляйте меня колдовать над Святым Писанием. Бог свидетель, что моих детей убила служанка-любовница, эта макака, эта грязная, гнусная тварь, которую я вынуждена была в порыве гнева задушить собственными руками! – и темпераментная тридцатидевятилетняя голландка вдруг разъяренно вцепилась рукой в горло Канариса.

Причем больше всего поразило капитан-лейтенанта то, что даже в порыве артистической страсти второй рукой женщина продолжала сжимать «источник жизни», только теперь уже проделывала это с такой силой, словно и его тоже собиралась удушить.

– Глядя на то, что вы проделываете в эти минуты со мной, в вашей способности задушить сомневаться не приходится, – натужно проговорил Вильгельм, не сразу оторвав от горла руку «колонии» – он так и решил называть ее про себя. Но только от горла.

– И не сомневайтесь.

– Но что-то я не припоминаю, чтобы в вашем досье была запись об отбывании наказания за самосуд. Или, может, в голландском законодательстве подобной статьи не предусмотрено?

– Какой же вы наивный, мой капитан-лейтенант! Ну какой суд решился бы отправить меня за решетку за убийство этой грязной обезьяны? – устало молвила Мата Хари, и только теперь Канарис поверил, что тема действительно исчерпана.

Выслушивая фантазии Маргарет, резидент германской разведки лишь грустновато улыбался. Ни одна из сочиненных женщиной версий на шпионскую легенду не тянула, тем более что пересказывала их Мата с полнейшим пренебрежением к деталям и артистической убедительности. Профессионально исполнять восточные танцы ее, слава Богу, натащали, а вот профессионально врать – этому капитан-лейтенанту Канарису еще только предстояло ее обучить.

* * *

Как всегда, когда адмирал позволял себе расслабиться, в памяти его начинали всплывать те или иные дни, проведенные с Матой Хари. Он так и не был до конца уверен, что когда-либо по-настоящему любил эту женщину, однако ему было совершенно ясно, что Мата останется –

уже осталась! – в его жизни единственной женщиной, которая искренне, до самозабвения была влюблена в него. Впрочем, кто знает; возможно, роль любовницы она разыгрывала столь же талантливо, как и роль непревзойденной разведчицы. Вот именно: роль «непревзойденной»...

Мата Хари уже давно стала одной из легенд мирового шпионажа, но только он, Канарис, знал, что на самом деле все выведенные ею в постели сведения ровным счетом ничего не стоили. Или почти не стоили¹¹. В лучшем случае Маргарет снабжала его отрывочными сведениями, позволявшими Канарису проверять правдивость информации, поставляемой другими агентами.

Адмирал помнил, как многих людей поразили слова главного обвинителя на процессе Маты Хари, которые он произнес спустя несколько лет после того, как танцовщица была расстреляна. «Знаете, – сказал он одному из журналистов, – в деле этой мадемуазель показаний не хватало даже для того, чтобы отстегать кошку». Так вот, Канарис оказался одним из немногих людей, которые улавливали тот истинный смысл, который скрывался за словами прокурора.

Конфликты, время от времени возникавшие между ним и танцовщицей, представавшей перед германской разведкой под кодовым наименованием агент Н-21, как раз и были вызваны тем, что «непревзойденные способности» Маты-Маргарет позволяли ей всего лишь подобраться практически к любому нужному «источнику» и затащить его в постель. С этой частью задания она действительно справлялась великолепно. Вот только, оказываясь с мужчиной в постели, не в меру темпераментная голландка настолько увлекалась то грубым сексом, то изысканными ласками, что совершенно забывала о своей второй древнейшей профессии.

¹¹ Еще во время следствия французскими спецслужбами было установлено, что Мата Хари действительно работала на германскую и французскую разведки, однако отрабатывала свои гонорары крайне бездарно. Что же касается якобы переданных германской разведке секретных сведений, в результате чего французская сторона будто бы потерпела ряд поражений и потеряла до 50 тысяч военнослужащих и мирных жителей, то, по одной из весьма правдоподобных версий, это обвинение было сфабриковано французской разведкой, чтобы раздуть в стране шпиономанию и отвлечь внимание прессы от поражений на фронтах Первой мировой.

6

Примененный Шаубом метод устрашения подействовал настолько, что, представ перед фюрером, Кальтенбруннер ощутил то, что ощущал крайне редко и только в присутствии разгневанного Гитлера, – предательский холодок в мелко подрагивающих коленных чашечках.

«Только бы Адольф не подумал, что я все еще услаждаю себя мечтаниями о великой независимой Австрии! – мысленно взмолился он, не в состоянии избавиться от навязанного Шаубом воспоминания. – Одного этого достаточно будет, чтобы воспринимать меня как личного врага!»

Однако Гитлеру страхи его были неведомы. Он сидел за столиком, крепко сцепив пальцы и глядя в покрытое влажной пленкой окно, и, казалось, даже не заметил появления начальника РСХА.

«Австрия? – самоуспокоительно спросил себя Кальтенбруннер. – Да при чем здесь Австрия?! Мысленно он сейчас под одним из своих Ватерлоо: Сталинградом, Ленинградом или Курском. Впрочем, с некоторых пор у фюрера появилось свое личное, персональное Ватерлоо – ставка “Вольфшанце”, под которым он и в самом деле потерпел наиболее сокрушительное и неожиданное для себя поражение. Поскольку нанесено оно было собственными генералами».

Оставшись довольным своими умозаключениями, Кальтенбруннер слегка приободрился и даже взглянул на Гитлера с некоторым сочувствием: что бы там ни думал сейчас о нем «привагонный» служака Шауб, он, как начальник Главного управления имперской безопасности, подобного поражения пока еще не знает.

Только вряд ли в эти минуты фюрер вообще думал о чем-либо конкретном; вполне возможно, что это был момент отрешенного полузабытья, в которое он впадал в последнее время все чаще, предаваясь ему с облегчением человека, радующегося любой возможности вырваться из трясины житейских реалий.

Но как раз тогда, когда Эрнст решил было, что Гитлер настроен слишком благодушно, чтобы пытаться провоцировать его, неожиданно услышал то, что повергло его в изумление:

– Итак, поведайте-ка мне, Кальтенбруннер, насколько глубоко проникли корни измены в вашем Главном управлении имперской безопасности?

Вождь спросил об этом, все еще не отрывая взгляда от окна, спокойным, ровным тоном; тем не менее в голосе его послышались некие зловещие интонации.

– В наших рядах измены нет, мой фюрер, – решительно покачал головой Эрнст, понимая, что наиболее убедительно должны звучать именно эти, первые его слова, которые и определяют ход всей дальнейшей беседы. – И быть не могло.

– Вы и сами в этом не убеждены, Кальтенбруннер.

– Вам известно, мой фюрер, как решительно мы действовали, обнаружив логово заговорщиков в штабе армии резерва генерал-полковника Фромма.

– Неубедительно, – проворчал фюрер, только теперь поднимая голову, чтобы искоса понаблюдать за реакцией Кальтенбруннера.

– Достаточно взглянуть на составленные гестапо списки, приближенных к генералу Фромму, чтобы...

– Когда Фромм понял, что покушение не удалось, – прервал его Гитлер, – он сам принялся истреблять людей, которые еще каких-нибудь полчаса назад были его сообщниками.

– Вы правы, мой фюрер, но...

– Он сам принялся истреблять их, – настаивал на своем Гитлер. – Это обычная тактика заговорщиков. И только благодаря тому, что Скорцени прекратил этот кровавый балаган, нам удалось захватить большую часть подлых предателей, избоблив при этом и самого командующего. Так или не так?

«А ведь Скорцени – единственный, кому фюрер все еще доверяет, – открыл для себя Кальтенбруннер. – Что не так уж и плохо, если учесть, что первый диверсант рейха является моим непосредственным подчиненным».

– Фромм был одним из покровителей заговорщиков – это уже не подлежит сомнению, – еще глуше и невнятнее пробубнил он вслух, благо что его венский акцент австрийца-фюрера не раздражал.

– Но покровителем только той части путчистов, которые пригласились в штабных кабинетах вверенной ему армии, – парировал Гитлер. – А кто был покровителем тех из них, что обосновались в кабинетах Главного управления имперской безопасности?

– Ни нам, ни гестапо обнаружить хоть какие-то признаки заговора в стенах РСХА не удалось. Убежден, что их и быть не могло. Мюллер тоже убежден в этом, – добавил Эрнст, не будучи уверенным, что шеф гестапо столь же уверенно поддержал бы его.

– Мюллер! – хмыкнул фюрер. – У нас что, теперь так принято – ссылаться на Мюллера, как на Господа? А то, что среди заговорщиков и сочувствующих им оказалось несколько сотрудников гестапо, вам известно?

– Известно, мой фюрер.

Гитлер взглянул на него с явным недоверием, и теперь уже Кальтенбруннеру трудно было понять, что скрывается за этим взглядом: неверие в его информированность или же подозрение в личной неблагонадежности.

– Рейх предали генералы вермахта, – предпринял он последнюю попытку оправдания. – Этот продажный старый генералитет. Причем особо старались тыловые крысы из армии резерва, которые, всячески избегая фронта, решили открыть его в глубоком тылу своей родины. Что же касается войск СС, не говоря уж об РСХА, то они остались верными вам и рейху. И так будет всегда.

Слушая его, Гитлер машинально кивал, однако трудно было поверить, что он действительно убежден в непогрешимости СС.

– И все же я требую, чтобы вы еще раз, самым тщательным образом, прошлись по связям тех путчистов, которые уже изобличены. По любым нитям, которые ведут к любому из ваших сотрудников или агентов.

– Сегодня же мои люди пройдутся по всем связям, которые только возможно будет отследить...

– Причем связям всех сотрудников, без исключения, – врубался указательным пальцем в доску стола Гитлер. – Включая лично вас.

– Даже... меня?! – спросил шеф РСХА, чувствуя, что гортань, словно залитая свинцом, отказывается повиноваться ему.

– Что вас так удивляет?

– Ну, уж меня-то должен был бы проверять кто-либо другой. Не могу же я проверять самого себя! – вскипел Эрнст.

И фюрер понял, что явно перестарался, забыв при этом об особенностях характера шефа СД: как только тот чувствовал, что все возможности оправдания исчерпаны, он не замыкался в панцире молчания и уж ни в коем случае не отступал, а наоборот, становился неукротимо жестким, возрождая в себе непоколебимость.

– Кто-то другой? Кто, например? Мюллер, Шелленберг, Олендорф? Так ведь все они пребывают в вашем подчинении, господин начальник имперской безопасности.

– Но если последует ваш приказ... – изо всех сил пытался удержаться в седле Кальтенбруннер, вновь убеждаясь, что выпад против него – не одна из мрачных шуток-нападок Гитлера.

– Пока что пребывают, – многозначительно уточнил фюрер. – Гиммлер к такой проверке тоже не готов, поскольку никогда ничем подобным не занимался. Он вообще никогда ничем не занимался. И я уже, по существу, потерял доверие к нему.

Кальтенбруннер благоразумно промолчал. Он знал, что отношения между Гитлером и рейхсфюрером СС Гиммлером в последнее время стали натянутыми. Однако главнокомандующий войсками СС все еще был слишком сильным и влиятельным, чтобы кто-либо решался открыто выступать против него. К тому же Кальтенбруннер не забывал, что пока еще пребывает в прямом подчинении у Гиммлера.

– В иной ситуации я натравил бы на вас адмирала Канариса со всей его абверовской сворой, – продолжил фюрер, – но ведь вам известно...

– Известно, мой фюрер.

– Кстати, – вдруг прервал Гитлер свою словесную пытку, – чем сейчас занимается этот наш абверовский заговорщик Канарис?

Кальтенбруннеру понадобилось несколько секунд, чтобы отойти от нанесенного ему «удара ниже пояса» и привести в систему все, что ему было известно о бывшем шефе абвера. Теперь он мог благодарить случай за то, что лишь недавно поинтересовался его послеарестной судьбой у всезнающего Шелленберга. А еще Эрнст понимал, что переход на личность Канариса – это его спасение. Просто теперь следовало как можно глубже втянуть фюрера в подробности положения адмирала. Подозрительно неопределенного положения.

– После освобождения из замка Лауэнштейн, где он пребывал под арестом как участник заговора, вы назначили его адмиралом для особых поручений.

– Адмиралом для особых... поручений?! – поразился собственному легкомыслию фюрер.

– Хотя следствие по его делу так и не было завершено.

Кальтенбруннер и сам не заметил, как в голосе его появились обвинительные нотки. «Нет, действительно, как можно было освобождать из-под ареста бывшего руководителя военной разведки, чья причастность к заговору была доказана многими свидетельствами?! Уж не побаивается ли фюрер доводить “дело Канариса” до суда?»

– Не завершено, – с необъяснимой меланхоличностью признал Гитлер, пребывая в эти мгновения в каком-то ином измерении.

– В июне вы уволили его в запас, но затем вернули на службу. С начала июля, насколько мне известно, он все еще возглавляет Особый штаб при Верховном главнокомандующем по ведению торговой и экономической войны против наших врагов.

Гитлер взглянул на Кальтенбруннера с таким удивлением, словно впервые слышал об Особом штабе и вообще о каких-либо назначениях, касающихся опального адмирала. Но потом вдруг взгляд его угас: он все вспомнил – и в очередной раз разочаровался собственным решением.

– Как вы думаете, Кальтенбруннер, адмирал действительно мог принимать участие в непосредственной подготовке к покушению на меня?

«Как же ему не хочется верить в это! – понял вдруг шеф СД. – Многое он отдал бы, чтобы кто-нибудь сумел убедить его в невиновности адмирала. При том, что многих других, в том числе и тебя, готов обвинять вопреки неопровержимым доказательствам преданности и всякому здравому смыслу! Почему так?! Несправедливо!»

7

... А потом был весенний Париж. Беззаботный и почти не познавший войны, он вспыхивал цветением склонов Монмартра и манил величественными строениями берегов Сены. Все в этом городе – от вечерних бульваров до сладостных предрассветных женщин в отельных номерах – источало такую романтику жизни, прелести которой где-то там, в средневеково-мрачном, пропитанном суровостью фронтовых слухов и безысходностью военной строгости Берлине, даже трудно было себе вообразить.

Канарис специально прибыл в столицу Франции, чтобы повидаться с Матой Хари, но не потому, что все еще безумно увлекался этой женщиной, а потому, что парижский агент, внедрившийся во французскую разведку под псевдонимом Марат, ошеломил его сразу двумя сообщениями, поступившими с интервалом в одну неделю. Первое содержало информацию о том, что его, Канариса, личного агента Н-21 завербовала французская разведка, рассчитывающая, что он будет работать против Германии. Причем пикантности этой ситуации придавал тот факт, что агент Н-21 охотно согласился, однако затребовал за свои услуги миллион франков.

Узнав об этом, Канарис даже не встревожился. И ничего, что сама Мата Хари пока что хранила по этому поводу молчание. Если французам хочется заполучить агента-двойника, он предоставит им такую возможность; а по поводу преступного молчания – основательно разберется с этой паршивкой. Зато второе известие, подробности которого Канарис уточнял у Марата уже там, в Париже, по-настоящему взволновало и даже обозлило его. Оказалось, что, как только танцовщица заломила за свою вербовку безумную цену, за ней сразу же начали следить... агенты английской разведки МИ-5, занимавшиеся в основном зарубежным дипломатическим корпусом, а также германской и русской агентурой, действовавшей на территории союзников.

У Канариса сразу же закралось подозрение, что французы сами пытались перепродать Мату Хари своим союзникам, чтобы с их участием наполовину сократить собственные расходы. Слишком уж достала их своей жадностью эта жрица элитных салонов. Однако англичане не только не спешили оплачивать парижские похождения стареющей голландской проститутки, но и принялись тщательно отслеживать каждый ее шаг, пока, наконец, не установили, что она встречается с давно засвеченным ими германским агентом, на которого они ловили теперь германские «источники», что называется, на живца.

Прибыв в Париж инкогнито, с паспортом аргентинского торговца, Канарис устроил встречу с Маргарет на одной из известных в городе «квартир для негласных деловых встреч» – в таком мини-борделе. Именно там, предаваясь греховным утехам, капитан-лейтенант от шпионажа попытался узнать святую правду о французской вербовке из тех же уст, которые с безбожной неутолимостью ласкали его «источник жизни». Однако женщина упорно молчала, даже не догадываясь о том, на какой опасной грани предательства и смертельной игры с тремя разведками сразу она оказалась.

– ...Но, как вы понимаете, – проговорил Вильгельм, когда «храмовая танцовщица» в конце концов оставила в покое его безжизненно увядший объект развлечений, – я прибыл сюда не ради наших постельных экзальтаций.

– Еще пару лет назад подобное признание повергло бы меня в ярость, – и танцовщица припала к бутылке шампанского прямо в постели.

– Что же произошло?

– Мудрею, мой капитан-лейтенант, мудрею.

– И в чем же это проявляется? – усомнился в подобной трансформации Канарис.

– С годами я стала настолько мудрой, что после вашего неуважительного постельного признания даже не снизойду до упреков.

– И как давно постигло вас это благоразумие? – Сидя в постели, он следил, как пенистая струйка шампанского прокладывала себе путь от подбородка вниз, растекаясь по жировым складкам полнеющего живота и рыжеватым лобковым зарослям.

– С годами я стараюсь уметь.

– Настолько, чтобы и самой предаться покаянным признаниям?

– Это ты о чем, милый? – беспечно поинтересовалась голландка, поудобнее укладывая копну своих длинных черных волос на его бедре. – Неужто о моих невинных парижских прегрешениях? Так ведь после каждого из них я регулярно исповедуюсь перед приставленным ко мне тевтонцем. И сведения, которые ты получаешь...

– ...Никакого интереса для германской разведки не представляют, – жестко осадил ее Канарис. С интимной частью встречи было покончено, и теперь рядом со шпионкой-танцовщицей находился ее работодатель, ее босс.

– Шутить изволите, мой капитан-лейтенант? – спокойно восприняла эту его «иглу под ноготок» Маргарет.

– Какие уж тут шутки! Ни военные, ни политики ничего достойного внимания в ваших донесениях, как правило, не находят. Все на уровне великосветских сплетен. Забавных, любопытных, но в военно-политических делах совершенно бесперспективных. Хотя вы уже трижды проходили самый тщательный инструктаж.

– Сладострастные минуты ваших инструктажей я постараюсь запомнить до конца своих дней...

– Советую серьезнее отнестись к тому, о чем мы с вами сейчас беседуем, – холодно предупредил ее германец.

Маргарет на минутку приподняла голову и, скосив свои бирюзовые глазки, выжидающе посмотрела на Канариса. Он, понятное дело, слегка темнил: кое-какая полезная информация сквозь ее агентурные словеса все же просачивалась. Однако женщина поняла, что ставки ее в германской разведке начали резко падать.

– Может, вы даже хотите отказаться от сотрудничества со мной? – с вызовом поинтересовалась она.

– Вас такая перспектива уже... не тревожит?

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Рассчитываете, что вами заинтересуется одна из разведок противников Германии?

Канариса уже начинало раздражать то, что Мата Хари пытается скрыть от него французскую вербовку. К тому же он понимал, что в эти минуты она успокаивает себя как раз тем, что сумела подготовить «запасной аэродром». По своей наивности она не могла понять, что просто так, хлопнув дверью, уйти из германской разведки ей никто не позволит.

– Если только я разрешу заинтересоваться своими возможностями, – самоуверенно ответила Мата Хари. И, пораженный ее наглостью, Канарис едва удержался, чтобы не спросить: «А что, французской разведке вы этого все еще не разрешили?» Но вместо этого произнес:

– Слишком уж радужным кажется вам будущее, мадам. Стоит ли так убийственно заблуждаться? Подчеркиваю: так убийственно...

– Прежде чем мы продолжим разговор, я хочу знать ваши намерения. Поэтому ответьте на мой вопрос: вы намерены продлить контракт со мной?

Канарис мрачно ухмыльнулся: «Боже мой, в каком мире она сейчас пребывает? “Продлить контракт”! Она что, в самом деле считает, что в разведке работают по временным контрактам, а резиденты выступают в роли импресарио, с которыми можно сотрудничать до тех пор, пока тебе не предложили более выгодные условия гастролей?!»

Он поднялся, несколько минут постоял под душем, вода в котором была чуть-чуть теплее, нежели в обычном кране, и по-армейски быстро оделся. Все это время Маргарет продолжала возлежать на широком приземистом ложе их «последней любви», с бутылкой шампанского в

руке, которую она держала двумя пальчиками за горлышко, точно так же, как еще несколько минут назад держала половой орган своего мужчины.

– Вы – шпионка, Маргарет, – вполголоса произнес он, склонившись над ней и старательно застегивая рубашу, которую не успел заправить в брюки. Двое его агентов тщательнейшим образом проверили эту комнату, чтобы убедиться, что никакого устройства, которое бы позволяло подслушивать разговоры ее постояльцев, здесь нет.

– Мне-то казалось, что я танцовщица...

– Вы – шпионка, миледи. А соглашение о шпионаже – это на всю жизнь. Это покер профессионалов, при котором уйти из-за стола можно, только покончив жизнь самоубийством.

– То есть вы хотите сказать?..

– Я хочу потребовать.

– Даже потребовать? И что же вы хотите потребовать, мой... скорее лейтенант, нежели капитан? – уже с явным вызовом поинтересовалась Маргарет. Она все еще не понимала, что постельные – как и все прочие – игры кончились и что язвительность ее никакого впечатления на Канариса не производит.

– Чтобы завтра же вы обратились в английское посольство и попросили разрешения отбыть на гастроли в Лондон.

Маргарет ожидала какого угодно требования, только не этого. Лицо ее сразу же просветлело, глазки заблестели. Она вновь готова была ласкать своего Маленького Грека до его полного изнеможения.

– А что, гастроли в столице туманного Альбиона... Разве не об этом вы мечтали в последние годы, утверждаясь на европейских подмостках в роли исполнительницы ритуальных восточных танцев?

– Не будем касаться моих мечтаний, – томно вздохнула Мата Хари. – Однако предложение меня уже заинтриговало. Не пойму только, почему вы потребовали добиваться поездки в Лондон?

– Не забывайте, что все еще идет война, – проворчал Вильгельм, не желая прибегать к пространным объяснениям. – В такие времена все предельно обострено.

– Допускаю. Только меня, популярную танцовщицу, военные строгости вряд ли должны коснуться. Мне давно хотелось совершить турне по Великобритании.

– Вы об этом как-то обмолвились.

– Не припоминаю, не припоминаю; но то, что вы угадали мои мечтания, – факт. Только для начала нужно договориться с каким-нибудь импресарио, который согласится организовать мое турне.

– Когда у вас будет разрешение на въезд в Англию, вопрос с вашими гастролями мы попытаемся решить сообща.

Требовать от агента идти в английское посольство действительно не следовало бы. Это был явный прокол. Маргарет пока что не догадывалась, что Канарис уже знает о слежке за ней английской разведки, и попытка получить английскую визу станет проверкой реакции англичан на готовность принять на своих берегах германскую шпионку.

– В Англии все еще остается множество людей, чья судьба связана с королевскими колониями. Уверен, что ностальгия погонит их на ваши концерты индийских храмовых ритуальных танцев, заставив забыть о традиционной английской скупости.

– К чему излишнее многословие, моряк? – сладострастно икнула Маргарет, едва не задохнувшись от большого газо-пенного глотка шампанского. – Вы решили, что следующая наша ночь должна пройти в Лондоне? Как мило! Не возражаю. С условием, что ваша служба возьмет на себя оплату моего переезда от Парижа до Лондона, а также часть гостиничных расходов.

– Опять вы о деньгах... – осуждающе покачал головой Канарис. – Несolidно, госпожа Зелле.

– Не желаю слышать это гнусное «Зелле», – капризно поморщила носик танцовщица. – Вам прекрасно известно, что меня зовут Мата Хари.

– Осмелюсь напомнить вам, госпожа Зелле, что мы не в театре, и ваши сценические имена меня не интересуют.

– Кому, как не вам, помнить, что Мата Хари – не только мое сценическое имя, но и сакральный словесный символ, некий небесный код. Когда я принимала это имя, которое переводится как Свет Утренней Зари, или Око Дня, то прошла путь полного духовного очищения в одной из наибольших и древнейших святынь...

– Остановитесь, госпожа Зелле, – сурово прервал ее капитан-лейтенант, зная, сколь странно она способна излагать одну из своих легенд. – Пощадите себя и меня.

– С условием, что впредь вы будете называть меня Матой Хари, только Матой Хари, и никаким иным именем.

Канарис никогда не забывал, что Маргарет терпеть не могла, когда ее называли госпожой Зелле, но уже не раз пользовался этим ее неприятием как надежным, безотказным раздражителем.

– Вчера вы получили вполне приличную сумму... госпожа Зелле, так что советую поумерить свои амбиции.

– Но ведь это же гонорар за мои прошлые услуги. А речь идет о предстоящих гастролях в далекой стране, которые в мои планы не входили.

Капитан-лейтенант знал, что она потребует денег, и не сомневался, что эти деньги он найдет, но его и в самом деле раздражала меркантильность Маргарет, которая достаточно хорошо зарабатывала и сомнительные услуги которой германская разведка неплохо оплачивала. Не говоря уже о том, что в Париже она прожигала жизнь на средства состоятельных любовников.

– Надеюсь, вам не придет в голову затребовать с меня миллион франков?

Только теперь Маргарет по-настоящему насторожилась, и Канарис почувствовал это. Он давал ей шанс признаться в том, что ее перекупили. И если бы она сделала это сейчас, возможно, Вильгельм не стал бы настаивать на скором отъезде в Англию.

Поход Маты Хари в английское посольство действительно нужен был ему только для проверки. Если англичане разоблачили танцовщицу как германскую шпионку, они не позволят ей гастролировать по своей стране. Маргарет Зелле все еще оставалась подданной голландской короны, в этой войне не участвующей, нейтральной; к тому же речь идет об известной актрисе. Вряд ли англичане захотят омрачать свои отношения с Голландией и вызывать недовольство у европейской артистической богемы арестом столь известной актрисы.

– С вас миллион франков я не потребую, – почти по слогам произнесла Маргарет. – Тем более что я не давала повода обвинять меня в чрезмерности финансовых амбиций.

– Всего лишь поинтересовался вашими финансовыми интересами. А что касается денег, то вы получите их, как только поступит разрешение английских властей на ваши гастроли.

– Что-то вы темните, моряк.

– Когда вопрос касается оплаты агентов, я становлюсь прямолинейным и обязательным.

– Теперь я уже не о деньгах. Говорите прямо: предполагаете, что могут возникнуть проблемы с моим въездом в Англию?

«Оказывается, она не так глупа, – подумал Вильгельм, – как могло бы показаться, глядя на то, что она творит в постели».

– Ну какие еще проблемы? – поморщился он. – Неужели кому-то могло бы прийти в голову подозревать вас в шпионаже? Не вижу для этого каких-либо причин. А вы?

Маргарет поднялась и, так и не набросив на себя халатик, важно прошествовала мимо Канариса в ванную.

– Что-то скрывается за этим вашим «лондонским заданием», моряк, какой-то подвох. Вот только не могу понять, в чем он заключается.

– В полном отсутствии какого-либо подвоха, – соврал капитан-лейтенант. – Просто идет война, и Германии важно знать, что по этому поводу думают в аристократических, и прежде всего в армейских, кругах Лондона. Только-то и всего. А для вас это еще и возможность завоевать сердца лондонцев, стать популярной и по ту сторону Английского канала.

8

...Но, даже внутренне взорвавшись этим своим «Несправедливо!», Эрнст Кальтенбруннер не решился открыто подтвердить подозрение фюрера. Не из благородства, нет, и уж, конечно же, не из желания спасти адмирала, которого всегда недолюбливал. Единственное, что сдерживало его сейчас, так это обостренное, до чиновничьего инстинкта доведенное чувство самосохранения. Стоит ему поубеждать фюрера в том, что Канарис, «сам Канарис», тоже входил в число руководителей заговора, – и ничто уже не сможет удержать диктатора от мысли, что адмирал действовал заодно с шефом СД. Который пытается избавиться сейчас от бывшего руководителя абвера, как еще совсем недавно избавлялся от своих сообщников генерал-полковник Фромм.

– Вряд ли он разрабатывал план подготовки взрыва в «Вольфшанце», – вкрадчивым голосом излагал свое понимание ситуации Кальтенбруннер. – Сомневаюсь даже в том, что он был осведомлен об операции полковника фон Штауффенберга.

Брови фюрера вновь поползли вверх.

– Кто же тогда руководил полковником Штауффенбергом? Кто готовил всю эту операцию?

– Сам полковник. Это была его идея.

– Хотите сказать, что этот одорукий и одноглазый уродец самостоятельно сумел спланировать и провести такую операцию?

– ...Которую, в общем-то, трудно назвать сложной, – неосторожно возразил Кальтенбруннер.

– При такой технической подготовке? – помахал фюрер перед своим лицом указательным пальцем.

– Изготовить мину мог кто-либо из известных ему пиротехников, а доступ к ставке у него был.

– Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду, – раздраженно хлопнул ладонью по столу Гитлер. – Речь идет не только о самом покушении. Следует иметь в виду организацию широкого заговора с целью свержения власти и разрушения рейха.

– Понимаю-понимаю, мой фюрер. Я всего лишь хотел уточнить. Кое-кто из генералов, некий узкий круг лиц, действительно знал о предстоящем покушении, но уверен, что готовил его и разрабатывал план проникновения в «Вольфшанце» с миной в портфеле сам Штауффенберг. А вот кто его вдохновлял, гарантируя осуществление государственного переворота... Конечно, полковник поведал бы нам об этом подробнее, если бы только генерал Фромм не поспешил со своим преступным самосудом.

– Генерал Фромм, – проскрипел зубами фюрер. По выражению его лица видно было, как ему горестно и противно вспоминать об этом человеке. – Однако самим заговором этот негодяй не руководил. Нет, только не Фромм. Этот не способен. Знал, догадывался, выжидал, молчаливо поддерживал – да, согласен...

Услышав это, Кальтенбруннер хищно улыбнулся: вот теперь самое время пройти «ударом кобры» и по адмиралишке.

– Точно так же выжидал и наш Канарис.

– Да не был этот... Канарис руководителем, – появилась на лице фюрера гримаса презрения. – Уже хотя бы потому, что не способен планировать подобные операции или вообще кем-либо руководить.

– Типичный кабинетный оппозиционер, – в тон ему, заискивающе подыгрывая, произнес шеф СД. – Такой склонен ворчать, настраивать людей; в пику существующей власти выдавать какую-то информацию нашим врагам. Но он не диверсант, он не способен хоть на какое-то

участие в покушении. Что, однако, не оправдывает его как одного из руководителей заговорщиков, – поспешно добавил Кальтенбруннер, встретившись с недоверчивым взглядом фюрера.

– Вот именно, не оправдывает, – проворчал фюрер и, по-старчески пожевав челюстями, незло проворчал: – Поэтому арестуйте его, Кальтенбруннер.

– Арестовать?! – опешил шеф РСХА. – Прямо сейчас? Это... приказ?

– Такого человека оставлять на свободе нельзя, слишком уж много у него связей и слишком уж велика опасность того, что он попытается скрыться, – усталым голосом проговорил Гитлер.

Обергруппенфюрер прокашлялся и взволнованно переступил с ноги на ногу, словно собирался уходить, но никак не мог решиться.

– Что должно послужить основанием для его ареста? – задавая этот вопрос, начальник РСХА отдавал себе отчет в том, что именно его слова послужили толчком для принятия фюрером решения вновь взять адмирала под стражу.

– Моего приказа уже недостаточно, чтобы арестовать Канариса?! – изумился Гитлер.

– Вполне достаточно, особенно если это уже... приказ.

– Тогда в чем дело?

– Я всего лишь говорил о какой-либо юридической зацепке. Но поскольку последовал ваш приказ, мой фюрер...

Кальтенбруннер направился к двери и уже готов был покинуть личное купе-кабинет фюрера, когда тот вдруг остановил его.

– Пожалуй, вы правы, Кальтенбруннер.

– В чем, простите? – спросил обергруппенфюрер, опасаясь, как бы Гитлер не увлекся своим красноречивым молчанием.

– Мы уже арестовывали адмирала, обвиняя его в измене, но затем освободили. Поэтому стоит внимательно изучить протоколы допросов тех, кто проходил по делу «Черной капеллы», или же усилить во время допросов натиск на тех, кого еще не успели казнить. Основательно усилить.

– Усилим. Я прикажу Мюллеру... – назвав это имя, Кальтенбруннер осекся и внимательно присмотрелся к выражению лица Гитлера, пытаясь выяснить, как тот относится к шефу гестапо, доверяет ли? Но, так ничего и не выяснив, произнес: – К следователям гестапо мы подключим людей из СД.

– Чтобы те следили за гестаповцами?

Кальтенбруннер так и не понял, было ли это сказано в шутку или же фюрер и в самом деле не уловил смысла его обещания.

– В этом пока что нет необходимости, – ответил он, чтобы снять подозрение. – Просто так будет надежнее.

И был немало удивлен, когда в ответ услышал:

– Не забывайте, что в вашем подчинении находится СД. Самое преданное, что у нас с вами осталось.

– Мне ясна ваша мысль, мой фюрер.

– Кстати, не упускайте из виду и то гнусное дело, которое связано с «чайным салоном фрау Зольф»¹².

¹² Речь идет об аристократическом салоне Анны Зольф, вдовы бывшего министра колоний в правительстве императора Вильгельма II. Этот салон посещали германские аристократы, не смирившиеся с режимом национал-социалистов. Мюллеру удалось заслат в него своего агента, доктора Рексе, и 12 января 1944 г. все присутствовавшие на антигитлеровском «чаепитии» в салоне фрау Зольф были арестованы, а затем почти все приговорены к смертной казни. У фюрера и в СД существовало подозрение, что Канарис был тесно связан с некоторыми из арестованных или подозреваемых по этому делу, которые к тому же являлись агентами абвера.

– Там может всплыть много интересного, – неуверенно пробормотал Кальтенбруннер, хотя имел весьма смутное представление об этой группе аристократов-оппозиционеров, судьбами которых занималось исключительно гестапо.

– Нужны какие-то новые факты, которые бы оправдывали арест бывшего руководителя абвера.

– Эти факты будут, мой фюрер.

– Как вы помните, дело о предательской деятельности адмирала Канариса и других служащих абвера открыл еще ваш предшественник Рейнхард Гейдрих. Но тогда многими это воспринималось как соперничество двух руководителей и двух организаций. Теперь же мы видим, что покойный Гейдрих очень тонко уловил сущность адмирала.

– Я лично ознакомлюсь с делом «Черной капеллы» и связанными с ним людьми, мой фюрер.

– Однако сам арест и разбирательство по делу адмирала действительно лучше всего поручить Мюллеру, его гестапо.

– Именно это я и намеревался сделать, – соврал Кальтенбруннер с чувством признательности фюреру и за то, что в конечном итоге он отказался от своих подозрений относительно него, и за то, что позволил свалить эту миссию на гестапо. Присоединяя к имеющемуся в его записной книжке «списку арестованных по делу о покушении на фюрера» всё новые и новые имена, причем имена людей хорошо известных не только в армии, но и во всей Германии, Кальтенбруннер и сам в последнее время чувствовал себя все более неуютно. «Снаряды ложатся все ближе!» – вот что он понимал, задумываясь над каждой новой фамилией изобличенного. Так что сегодняшняя встреча с фюрером в какой-то степени разрядила его нервозность.

– Дайте возможность шефу гестапо еще раз доказать свою преданность рейху, – в такт каждому своему слову, едва сдерживая дрожание головы, кивал Гитлер.

– И мы предоставим ему такую возможность, мой фюрер.

Сообщить Мюллеру о новом задании фюрера он решил, не дожидаясь прибытия в Берлин. Причем делал это с внутренним сладострастием: ведь еще вчера ему казалось, что в натиске против него Гитлер использует именно его, гестаповского мельника¹³. Войдя в купе к радистам, он приказал немедленно связаться по рации с управлением гестапо.

¹³ Мюллера часто называли «гестаповским мюллером» (мюллер – мельник), то есть, в переводе с немецкого, «гестаповским мельником», а еще – «первым мельником» или «обер-мельником» рейха, подразумевая его служебную страсть к перемалыванию костей и душ своих подследственных.

9

Шеф зарубежной политической разведки Главного управления имперской безопасности бригадефюрер Вальтер Шелленберг¹⁴ уже почти закончил довольно неофициальную беседу со своим подчиненным, гауптштурмфюрером СС бароном Адрианом фон Фёлькерсамом¹⁵, на тему мистической экспедиции в Тибет, возглавлять которую должен был сам Отто Скорцени. Шелленберг уже давно поглядывал на дверь кабинета Фёлькерсама, ожидая момента, чтобы уйти к себе, а хозяин помещения, изрядно наговоривший всякого в ходе беседы, теперь начал побаиваться своей собственной смелости и стремился оправдаться постфактум.

– Будем надеяться, что моим мнением по этому поводу фюрер попросту не поинтересуется. Как, впрочем, и Гиммлер. А следовательно, мое мнение останется сугубо между нами, бригадефюрер.

После этих слов барон имел право рассчитывать на хоть какие-то заверения Шелленберга в молчании, но вместо этого услышал:

– ... Не говоря уже о том, что оно может не понравиться также Кальтенбруннеру.

– Да мало ли кому, – раздраженно признал Фёлькерсам.

– И Мюллеру, – указал Шелленберг на того, кто в любом случае не побрезгует поинтересоваться мнением даже такого «винтика», как гауптштурмфюрер Фёлькерсам.

– Им обоим не понравится, в этом я убежден, – мужественно признал барон-диверсант. И в то же время с надеждой взглянул на Шелленберга.

– Это я к тому, чтобы ваши сомнения не становились предметом обсуждения в... ну, скажем, в широких диверсионных кругах. Иначе я не смогу прийти вам на помощь.

На сей раз барон взглянул на шефа с усталостью и обреченностью во взгляде, и коричневатые мешочки под его близоруко щурящимися глазами – Фёлькерсам упорно не хотел мириться с необходимостью прибегать к помощи окулистов – налились коричневатой желчью сожаления, если не обиды.

«... И не пришел бы, даже если бы мог, – мстительно молвил он про себя, – для этого ты слишком труслив».

Больше всего Фёлькерсама поражало то, что, при всей своей трусости, Шелленберг позволяет себе запугивать его. Хотя в принципе такое поведение бригадефюрера мало кого удивляло. «Красавчик», как обычно называли Шелленберга во все тех же «широких диверсионных кругах», всегда обладал удивительной способностью осаждать своего собеседника с ангельской непорочной улыбкой на действительно красивом личике. Но от этого наскоки его не становились менее досадными.

– С благодарностью принимаю ваше предупреждение, бригадефюрер, – произнес барон, после чего наступила томительная, двусмысленная пауза.

¹⁴ Должность бригадефюрера (генерал-майора СС) Шелленберга в разных источниках трактуется по-разному. Официально он являлся начальником VI управления (разведки и диверсий) Главного управления имперской безопасности (РСХА) и подчинялся начальнику РСХА обергруппенфюреру Кальтенбруннеру. В других же источниках его называют «шефом политической разведки СД», или «шефом отдела разведки и диверсий СД», то есть службы безопасности СС, что по своему существу тоже верно.

¹⁵ Гауптштурмфюрер СС барон Адриан фон Фёлькерсам, один из ближайших соратников Отто Скорцени. Происходил из прибалтийских немцев, был крупным землевладельцем и отлично владел русским языком. В качестве командира батальона, сформированного из курсантов разведывательно-диверсионной школы, расположенной в замке Фриденталь неподалеку от Берлина, принимал участие в подавлении заговора против Гитлера в июле 1944 г. В январе 1945 г., командуя истребительным батальоном СС «Ост», погиб на территории Польши, во время разведывательного рейда, которым готовил прорыв своего окруженного красноармейцами батальона, а также нескольких других подразделений.

И когда Шелленберг вдруг сказал: «Поднимите же...» – барон не сразу уловил, что это относится к трубке телефона, на жужжание которого он поначалу решил не обращать внимания. Исключительно из уважения к высокому гостю.

Становиться свидетелем этого телефонного разговора бригадефюрер не собирался, да и тема их встречи была исчерпана. Во всяком случае, он так считал.

Шелленберг уже взялся за дверную ручку, но, заметив, что Фёлькерсам застыл с удивленно вытянутым лицом и ошарашенно смотрит на него, задержался у двери.

– Так точно, внимательно изучил, – донеслось до начальника разведки СД, после чего он тут же прикрыл перед собой дверь.

– Кто? – едва слышно поинтересовался Шелленберг.

– Да, это верная информация, – то ли не расслышал его вопроса, то ли попросту не обратил на него внимания Фёлькерсам.

И такое его поведение еще больше заинтриговало бригадефюрера. Оставив в покое дверь, Шелленберг начал медленно, крадучись, словно побаивался, что на той стороне провода слышат скрип половиц под его сапогами, возвращаться к столу.

– Никак нет. Знакомлюсь с материалами, касающимися предстоящей экспедиции в Шамбалу. По личному приказу Скорцени. Бригадефюрер Шелленберг? – ошарашено взглянул Фёлькерсам на шефа разведки СС. – Да, он действительно все еще здесь. Мы с ним обсуждали ход подготовки к экспедиции и нашу связь с сотрудниками института «Аненербе»¹⁶.

– Кто это? – теперь уже открыто подался к телефону Шелленберг. – Неужели Кальтенбруннер?

– Мюллер, – едва слышно проговорил барон, по-школярски пожимая плечами.

– Мюллер?! – искренне удивился бригадефюрер.

– Как это ни прискорбно, – едва слышно проговорил барон.

– Ладно, давайте трубку, – пробурчал Шелленберг, а затем уже довольно громко (все равно Мюллер не мог догадаться, о чем идет речь) напомнил барону: – И хорошенько подумайте над тем, что я вам посоветовал.

¹⁶ Речь идет об «Аненербе» («Аннербэ») – институте «Общества исследований наследия предков», основанном в 1933 г. профессором-мистиком Фридрихом Гильшером. К началу войны включал в себя 50 секретных специализированных научных институтов и лабораторий, занимавшихся «изысканиями в области локализации духа, деяний и наследства индогерманской расы». Институт находился в ведении рейхсфюрера СС Гиммлера.

10

Некстати оживший телефон с трудом вырвал его из состояния «служебной нирваны», но и после этого Канарис дотягивался до трубки, словно новобранец – до раскаленного снарядного осколка.

В последнее время, после всех тех арестов, которые последовали в связи с июльским покушением на фюрера, он возненавидел телефон, воспринимая его чуть ли не как самое подлое изобретение человечества. Все то, самое страшное, что ему в ближайшее время надлежало услышать, неминуемо должно было прийти из телефона. Вот почему по-настоящему защищенным шеф военной разведки и контрразведки чувствовал себя, только когда оказывался недосягаемым для его погребального звона.

– Адмирал, старина, вы можете принять меня?

– Простите, с кем имею честь? – как можно чопорнее поинтересовался Вильгельм Канарис, держа трубку не возле уха, а прямо перед собой, словно разговаривал по корабельному переговорному устройству.

Человек, который должен был объявить ему об аресте, не мог так заискивающе просить у него аудиенции. Впрочем, кто знает? Кому не известно, как начинает свои вежливо-иезуитские допросы Мюллер?

– Капитан Франк Брефт, если только вы еще помните старого краба, адмирал. Теперь я уже фрегаттен-капитан¹⁷, однако корма моя от этого шире не стала, и с осадкой тоже все в порядке.

– Брефт? – лишь предельная усталость да еще гнетущее предчувствие чего-то неосознанного, но уже вполне реально надвигающегося на него, не позволили шефу абвера сполна выразить свое удивление. – Это действительно ты?!

По традициям германского флота, в общении между собой морские офицеры очень быстро переходили на «ты», даже несмотря на разницу в чине. Это было проявлением того особого доверия, особого духа товарищества и морского братства, без которого выходить в море, с его опасностями, под одними «парусами» просто невозможно.

– Мне уже и самому с трудом верится, адмирал. Но недавно я вновь поднял перископ, сурово осмотрел акваторию своей жизни и решил, что все-таки стоит, решительно стоит потревожить старого служаку Канариса.

– Вот уж не ожидал, что ты еще когда-либо объявишься.

– Решили, что давно ржавею на морском дне? – Канарис давно оставил флот, поэтому в общении с ним перейти на «ты» фрегаттен-капитан Брефт не решался.

– Ну, столь глубоко в трюмы твоей судьбы я не проникал, – уклончиво ответил Канарис, чтобы удержаться от более правдивого ответа – что он уже целую вечность вообще не вспоминал о Брефте; просто ситуация вокруг абвера складывалась таким образом, что было не до него.

Да, целую вечность. В свое время Брефт слыл одним из наиболее перспективных агентов абвера, работавшим и на разведку, и на контрразведку. И если в разведке он не блистал, то контрразведчиком был от Бога. Понятное дело, что еще до недавних пор кто-то из управления абвера вел его, получал от него сведения, однако самому Канарису в последнее время было не до этого.

– Не стоит оправданий, адмирал, – молвил тем временем Брефт.

¹⁷ Чин фрегаттен-капитана в германском Военно-морском флоте (Кригсмарине) соответствовал званию капитана второго ранга (подполковника) советского флота. А чин корветтен-капитана соответственно приравнивался к званию капитана третьего ранга.

– Это не оправдание, – ужесточил тон адмирал, давно привыкший к тому, что это перед ним все оправдываются, причем в большинстве случаев – безуспешно.

– Я и сам понимаю, что пора открывать кингстоны и ложиться на грунт. Непростительно долго задержался я при всем этом побоище. Пора бы, пора... Якоря наши давно поржавели, днище обросло ракушками, – и Брефт то ли засмеялся, то ли хрипло прокашлялся.

И экс-шеф разведки вдруг уловил: то, что так угнетало его, то непонятное предчувствие, которое сжимало ему душу, начало сбываться. Хотя... при чем здесь Франк Брефт? В роли «черного гонца» мог выступать кто угодно, только не этот старый краб. Гонцов, желающих как можно скорее вручить ему «черную метку», уже собралось немало – это Канарис понимал, как и то, что гонцы эти только и ждут команды фюрера... Однако в их числе не было и быть не могло капитана Брефта. Впрочем, если все основательно вспомнить и взвесить... Хотя бы это...

Во время случайной встречи в Испании, у берегов которой рейдировала субмарина Брефта, тот чуть не отбил у него Мату Хари. Собственно, Франк уже сумел договориться с ней о встрече, но когда понял, что оказался между танцовщицей и Канарисом, «публично», за стаканом каталонского вина отрекся от нее, заявив, словно бы в лицо адмиралу плюнул: «Как представил себе, Вильгельм, какое стадо грязных индонезийских макак и какое полчище немых сикхов переспало с этой нидерландской потаскушкой, меня чуть не стошнило. Не позволяйте ей затащить себя в постель, старина. Ни один венеролог не в состоянии будет определить потом, чем эта богочестивая сеньора облагодетельствовала вас».

Канарис не сомневался, что Брефт знает: Маргарет уже давно сумела «затащить» его, и воспринял предупреждение как пощечину чести. И вообще, до тех пор, пока они оставались за столиком на террасе ресторанчика в пригороде Барселоны Матаро, адмирал пережил один из тех моментов в своей жизни, когда лишь огромным усилием воли сдержал себя, чтобы не сходя с этого места не пристрелить Брефта. Причем сделал бы это со сладострастием убийцы-маньяка.

Рокового выстрела, ясное дело, так и не последовало, но с тех пор Канарис избавился от пылкой любовной страсти, поглощавшей его всякий раз, когда пред ним представала эта «колониалка». Даже после того, как, по его жесткому настоянию, Мата Хари была чуть ли не насильственно осмотрена «лучшим мадридским сифилидологом со времен Колумба», как его представили Канарису, восстановить «чистоту восприятия» этой женщины ему уже не удалось. Хотя сладострастие, с которым Мата холила его «источник жизни», по-прежнему захватывало Вильгельма.

С тех пор адмирал остерегался встреч с Брефтом. Слишком уж много житейских несуразностей связано было с этим человеком. Впрочем, на восприятие нынешнего звонка Франка это не сказалось. Он почти обрадовался ему.

– Откуда ж ты появился, Франк-Субмарина?

– Даже кличку мою давнюю вспомнили, адмирал? – самодовольно проворчал Брефт. – Похвальная память.

– Я еще многое способен вспомнить и даже... припомнить, – намекнул Канарис исключительно по своей шпионской привычке.

– Потому что все еще чувствуете себя на плаву и при власти, адмирал?

– А кто меня может «списать на берег»? – оживленно и беззаботноотреагировал Канарис, не уловив всей подноготной этого неожиданного и крайне некорректного вопроса, который разрушал ауру задушевности их встречи.

– Многие... – почти не задумываясь прохрипел Брефт. – Не все могут, не всем дано дотянуться до вас, «всесильного шефа абвера», однако стремятся многие.

– Стоп-стоп, сбавь обороты винта, – только теперь насторожился Вильгельм Канарис. – Что-то я не пойму, о чем это ты, старина?

– О том, что слишком многие поспешили списать вас на этот самый берег, адмирал, – не стал деликатничать Брефт – уже хотя бы потому, что так и не научился этому способу общения. – Торопятся, ясное дело.

– Хорошо, что ты понимаешь это, Франк-Субмарина.

– Представьте себе, понимаю. Потому что время от времени поднимаю перископ и сурово осматриваю акваторию жизни. Но почему торопятся, вместо того чтобы опасаться? Как опасались раньше. Как-никак шеф абвера! Признаюсь, что и сам пытался избегать вас, как королевская шхуна – подводной лодки.

– Что ты несешь, Франк-Субмарина?!

Эта кличка – Франк-Субмарина – пристала к Брефту еще в те времена, когда они вместе служили на крейсере «Дрезден», – за его пронырливость, настойчивое желание перейти на подводный флот и любимую поговорку: «Главное – вовремя поднять перископ и сурово осмотреть акваторию жизни». Да, крейсер «Дрезден»... Трудно сказать, какие воспоминания о службе на этом судне остались у тогдашнего фенриха¹⁸ Франка Брефта, выпускника того же Кильского морского училища, которое на несколько лет раньше окончил он сам, тогда уже обер-лейтенант Канарис, но адмирал вспоминал о ней, как о почти невыносимой военно-авантюрной истории.

– Я и сам почувствовал, что разоткровенничались мы с вами, как два отставных боцмана в портовом трактире после третьей порции рома, сидя с девицами на коленях.

Брефт был неопишным бабником – может, еще более изощренным и закоренелым, нежели сам Канарис. И вряд ли женился. Собственно, что значит «вряд ли»? Конечно же, не женился. Досье Брефта лежало в сейфе адмирала, и Канарис знал его почти назубок. Однако же не о том он думает сейчас. Слишком странным показался Канарису этот неожиданный звонок, этот прищур прошлого.

– Так вы сможете принять меня, адмирал?

– Что-то случилось, у тебя неприятности? И вообще, откуда ты появился?

– Два часа назад сошел с самолета, приземлившегося неподалеку от Берлина. У меня нет времени напрашиваться к вам на прием... – и Канарис обратил внимание, что голос его стал непроизвольно резким.

– Вряд ли я теперь способен помочь тебе в чем-либо. Но если настаиваешь, завтра в двенадцать тридцать...

– Вы не поняли меня, адмирал. Время придется найти сейчас. Иначе нам лучше разойтись прямо на рейде. Я – в каких-нибудь пяти километрах от вашей баржи. Причем не с пустыми трюмами. Есть кое-что важное для вас.

– Но меня уже давно отстранили от руководства абвером и вообще от каких-либо полезных дел.

– Вас понизили, знаю. Тем не менее вы все еще возглавляете экономическую разведку и контрразведку.

– Тебе, оказывается, многое известно...

– Время от времени я очищаю днище от ракушек, поднимаю перископ и осматриваю ближайшую акваторию. Чтобы знать, что там, в зоне всплытия.

– На сей раз ты всплыл не совсем удачно; можно сказать, не вовремя.

– Но то, что мне хочется сообщить, важно не для абвера, а лично для вас, адмирал. И не заставляйте старого краба исповедоваться по телефону, я в принципе не терплю этот вид общения.

¹⁸ Фенрих – кандидат на получение офицерского чина. Ими становились выпускники морских училищ, которые прибывали на судно для несения службы после выпускных экзаменов в училище, то есть при прохождении преддипломной практики.

– Тогда приезжай. Но не сюда, а в мой загородный дом, записывай адрес. Времени у меня, правда, будет немного, тем не менее... – Даже самому себе адмирал боялся признаться, что появление фрегаттен-капитана было лишь поводом для того, чтобы поскорее убраться из этого осточертевшего кабинета.

– Яволь! Всплываю...

11

Положив трубку, Канарис тут же вызвал машину и покинул свой кабинет с такой поспешностью, словно спасался от воздушного налета или уходил от врывающихся в вестибюль здания вражеских десантников.

Оказавшись дома, он тут же велел служанке приготовить кофе, бутерброды и проследить, чтобы на столе были сухой вермут, шотландский виски и вишневый ликер. Он хорошо помнил, что подобные коктейли Брефт обожал.

– Ничего вишневого у нас в доме не осталось, – суховати заметила служанка, величественно подтягивая свой двойной подбородок.

– Тогда любой ликер, какой еще найдется.

– Сейчас в доме вообще мало что осталось, сеньор адмирал. Как можно сотворить такую великую войну – и так обеднеть на ней, сеньор адмирал?

– Ты о чем это, Амита?

– Почему все остальные – Геринг, Борман, Шелленберг и прочие – на ней разбогатели, а вы обнищали до того, что смогли купить этот дом, эту вашу виллу Грюневальд, как любит называть ее ваша супруга, только благодаря тому, что удачно продали ее личную, очень дорогую скрипку?

– Только не вспоминай о скрипке! – покачал головой Канарис и поморщился так, словно пытался утолить зубную боль. – Только не о ней. Все, что мне надлежало выслушать по поводу ее продажи, я уже выслушал от Эрики.

– Ваша супруга была слишком снисходительна к вам, – тут же вынесла вердикт Амита.

– Она? Снисходительна?!

– От этого все ваши беды и ваша бедность. Будь вы моим мужем... – начала было она, однако, наткнувшись на иронично-суровый взгляд адмирала, умолкла, демонстративно прикрыв рот рукой.

– К твоему счастью, я этих слов не слышал, – резко обронил он, оставаясь верным своему жесткому правилу: пресекать какие-либо попытки Канарии влезать в дела его семьи и пытаться женить на себе.

– Я всего лишь хотела сказать, что ваша бедность способна шокировать любого. Что такое просто невозможно понять.

– Меня она тоже порой шокирует, – признался адмирал.

– А еще странно, что в бедности оказалась ваша супруга, дочь фабриканта Карла Ваага.

– Провинциального фабриканта, – уточнил Канарис, – с провинциальными доходами и провинциальным мышлением. Вот только тебе, Амита, знать все это не положено. С ужасом думаю о том, какие сведения ты выдашь, когда попадешься в руки русским или англичанам.

– Пусть молят Господа, чтобы я им не досталась, – отрубила Амита, демонстрируя стареющему адмиралу былую элегантность своей походки.

Сразу же после покушения на фюрера Канарис отправил Эрику с двумя дочерьми к родственникам в Баварию, подальше от Берлина. Он, естественно, понимал, что при желании Мюллер достанет их и там, но все же рассчитывал, что гестапо не станет рыскать по горным баварским селам, в одном из которых, у дальних родственников своей матери, нашла приют супруга опального адмирала.

Вспомнив о ней, Канарис как можно сдержаннее, но вполне официально предупредил Амиту:

– Никогда больше не заводите разговор о моей бедности, фрау Канария. О войне и моей бедности. Вас это не касается, вы ничего в этом не смыслите.

Здесь, на вилле Грюневальд, Канарис пребывал лишь с адъютантом, полковником Йенке, и этой служанкой. Но полковник вместе с двумя агентами абвера, на которых Канарис все еще мог положиться, поехал в Баварию, составив личную охрану Эрики и ее дочерей, без которой адмирал попросту не решился бы отправить их в столь далекий и опасный путь. Но когда на вилле отсутствовали супруга и адъютант, Амида пыталась заменить их обоих, а посему становилась несносной.

– И никогда больше не буду, – воинственно заявила она, давая понять, что сдерживать свое слово не намерена. – Но скажу так: если вы не собираетесь встретить свою старость совершенно нищим, вам придется сотворить еще одну, теперь уже по-настоящему большую войну.

– Как прикажете, сеньора Канария, – грустно согласился адмирал, давно определивший для себя, что у нее свои собственные представления о войне и ее предназначении.

– Самое мудрое, что вы могли бы сделать сейчас, адмирал, это уехать на родину предков, – совершенно не восприняла его легкомыслия Амида Канария.

Медленно, неуклюже повернувшись, словно огромная, не в меру располневшая заводная кукла, она вышла из кабинета, и, глядя ей вслед, адмирал вновь, уже в который раз, с горечью отметил, как сильно она постарела и располнела. Как всякий обиженный ростом мужчина, он отказывался воспринимать таких женщин. Адмирал уже давно намеревался уволить ее, наняв женщину помоложе, но так и не решился. Он все еще был привязан к ней, однако это уже перестало быть привязанностью к женщине. Так привязываются к некогда приبلудившейся к дому, но давно состарившейся беспородной дворняге.

«Родина предков!.. – раздраженно проворчал Канарис. – Знать бы, где она, эта родина и эти предки!»

По сведениям, которые адмиралу удалось собрать о своих предках, один из них оказался греком, заброшенным в начале XVIII века на Канарские острова. Именно там он вскоре и принял фамилию Канарис. Затем более близкие предки перебрались в Италию, а уже оттуда – в Германию, на Рейн. Так кем он должен считать себя – германцем, греком, канаро-испанцем или кем-то там еще?! И к каким берегам его должно было тянуть?

* * *

– Родина предков... – вновь, теперь уже более благодушно проворчал адмирал, переходя в небольшую комнатку по соседству с рабочим кабинетом. Эта комнатка скорее напоминала каюту старого капитана, решившего превратить свое пристанище в некое подобие корабельного музея, нежели жилую комнату на вполне престижной вилле. – А что делать человеку, для которого этой самой родиной предков может служить половина Европы?! Слава Богу, что хоть обошлось без турецкой крови. Впрочем, кто знает...

Амида Канария была для него чем-то вроде талисмана молодости. Они познакомились весной 1917 года в Испании, спустя несколько месяцев после того, как Канарису удалось добраться туда из Чили. Да, из далекого, забытого Богом Чили, у берегов которого в марте 1915 года команда «Дрездена» сама затопила свой крейсер, на борту коего будущий адмирал мечтал дослужиться до его капитана.

Вспоминать об этом происшествии Канарис не любил. Он всегда считал, что решение командира пустить на дно свой крейсер, дабы он не пал жертвой английского броненосца «Глазго», было проявлением трусости. Ведь даже поврежденный, «Дрезден» все еще мог дать англичанину бой, чтобы погибнуть вместе с экипажем. Нет, такой войны он, адмирал Канарис, не понимал. Впрочем, это были его личные представления. Что же касается команды крейсера, то она искренне благодарила командира за спасение.

Канарис всегда старался выдерживать свою службу в пределах характеристики, выданной ему в свое время командиром крейсера «Бремен». Именно на борту этого корабля Виль-

гельм отправился в свой первый трансатлантический рейс к берегам Латинской Америки и в сентябре 1908 года получил первый офицерский чин – лейтенанта, сопровождаемый рекомендательной характеристикой: «Хорошая военная подготовка и умение ладить с людьми дополняются скромностью, послушанием и вежливостью». Иное дело, что младший комсостав и матросы очень быстро обнаружили у Канариса омерзительное пристрастие к подслушиванию и подглядыванию, поэтому ко вполне сноному прозвищу Маленький Грек вскоре прилипло гаденькое Слухач-Донощик. Услышав его впервые, Канарис не на шутку испугался, поскольку знал, как жестоко и бесследно умеют расправляться моряки с теми, кто посмел восстать против их корабельного братства. Однако ему повезло: особого террора по этому поводу команда ему не устраивала. То ли потому, что не воспринимала его всерьез, то ли выяснилось, что на поверку от пристрастия Маленького Грека к подслушиванию и информированию командования никто особо не пострадал. Замечать стали еще меньше – только-то и всего.

Зато в этом походе Вильгельм почти в совершенстве овладел испанским, основательно дополнившим его прекрасное знание английского и вполне сносное – французского и русского языков. Прилежание Канариса в изучении испанского и умение – в роли помощника и переводчика командира крейсера – смягчать суровость переговоров настолько расчувствовали президента Венесуэлы, что перед отходом судна от берегов страны тот наградил молодого офицера орденом Боливара V степени, предрекая ему при этом погоны адмирала и предлагая перейти на службу во флот Венесуэлы.

...Тогда лишь после массы всяческих приключений Канарису удалось добраться до Мадрида, установить там связь с военно-морским атташе Германии и стать офицером германской разведки, работающим в Испании под дипломатической крышей. Но дело не в этом. И вообще, побег из Чили после гибели «Дрездена» – не те воспоминания, к которым можно прибегать всеу; Канарис всегда относился к ним с особым душевным трепетом. Что же касается Амиты...

Там, в Мадриде, весной 1917-го, он и познакомился с этой женщиной, отбив ее – причем в буквальном смысле, в жестокой драке, – у одного испанского морского офицера. Потом эта женщина долгое время была не только его любовницей, но и своего рода агентом. В ее сельском доме неподалеку от Мадрида Канарис, бывало, отсиживался; зализывал свои мужские неудачи у тогда еще прекрасных ножек Амиты; благодаря ее красоте налаживал связи с высокопоставленными испанскими чиновниками.

А знакомство их началось с того, что, сидя в припортовом ресторанчике, Канарис услышал, как за соседним столиком Амида описывала своему знакомому офицеру красоты родных Канарских островов. Очевидно, пыталась соблазнить моряка их прелестями, чтобы вернуться туда вместе с мужем. Вот тогда-то Канарис и вспомнил о том, откуда происходит его фамилия.

Амида даже не подозревала, что, пытаясь завлечь в сети испанского офицера, она на самом деле привлекает германского, на которого – невысокого росточка, худощавого, с довольно невыразительной внешностью – поначалу вообще не обратила внимания.

Когда в Испании началась гражданская война, Канарис, благодаря одному из своих агентов, сам разыскал Амиту и помог ей перебраться в Берлин через Португалию. Вот уже много лет она живет в купленном для нее домике, неподалеку от виллы Грюневальд, по-прежнему одинокая и на удивление быстро стареющая.

– Вам, как всегда, яичный глинтвейн? – донесся до адмирала голос Амиты.

– Как всегда.

– И подавать в «каюту»?

– Я же сказал: как всегда.

– Как же раздражительны вы стали, мой адмирал! – жалостливо и почти капризно молвила Амида, так и не усвоив, что больше всего Канариса раздражала эта ее «девичья» капризность.

– Вы не правы, – стойко возразил он. – Ни тени раздражения в моем голосе не проскользнуло.

– В голосе – да, поскольку вы все еще достаточно воспитанны, – всякий раз, когда Амита волновалась, ее испанско-канарский диалект становился вызывающе резким. – Но я-то чувствую, мой адмирал, я все чувствую...

Состарилась... Кто бы мог поверить, что когда-то она способна была пленять мужчин с первого взгляда и надолго привораживать к себе после первого же пылкого объятия? Вернуть бы теперь хоть одну из тех былых ночей! Хотя... стоит ли возвращать то, что давно угасло и померкло?

Впрочем, о жене ему тоже вспоминать не хотелось. Эрика была слишком холодна и свободолобива, чтобы сохранять к своему серому, невзрачному мужу хоть какие-то чувства. К тому же, в отличие от многих других женщин их круга, притворяться влюбленной или хотя бы терпящей своего мужа она не хотела, а играть была не способна. Что же касается самого Канариса, то, несмотря на возраст, он все еще оставался слишком закомплексованным, чтобы чувствовать себя достойной парой рядом с красавицей женой, и слишком ревнивым, чтобы прощать ей холодность и любовные прегрешения. Единственное достоинство Эрики заключалось в том, что она не предавалась публичным скандалам, сотворяя хоть какую-то видимость семейного благополучия.

12

Неслышно появилась Канария, остановилась у него за спиной и потерлась подбородком об основательно поседевшую голову. За многие годы общения адмирал привык к ее языку жестов, на котором подобное потирание могло означать только одно: «Не надо воспоминаний, они лишь ранят душу». Оно оказалось очень своевременным: старый шпион-моряк как раз вспоминал об унижительном отвержении его Эрикой сразу же после побега из римской тюрьмы, где его ждала высочайшая из шпионских наград – виселица.

Совершив этот изумительный по своей дерзости побег и прибыв домой, он неосторожно взглянул на себя в трюмо рядом с удивительно похорошевшей, зрелой красавицей-женой. Вильгельм и в лучшие свои годы старался не заглядываться на себя в зеркало, брезгливо презирал свои фотографии и убийственно ненавидел любые, пусть даже самые лестные комплименты по поводу того, как прекрасно он выглядит и как задушевно они с Эрикой смотрятся рядом. Знал: если они и смотрелись, то лишь в том смысле, что рядом с ним, маленьким, хлипким заморышем, жена выглядела еще стройнее и величественнее. Причем самое ужасное, что гордиться обладанием такой женщиной Канарис так и не научился.

А ночью невообразимо соскучившийся по ее телу беглец из-под петли вдруг явственно ощутил, что женщина не только не «голодна» – она сексуально пресыщена, а прикосновения супруга лишь раздражают ее. Впиваясь пальцами в плечи жены, он пытался овладеть ей, как уличный насильник – дворовой шлюхой; но вместо того чтобы смягчить его натиск ласковым словом и податливостью, Эрика попыталась грубо оттолкнуть от себя мужа, сбросить его со своего тела и соскользнуть с брачного ложа.

В течение своей супружеской жизни они множество раз проходили через подобные стычки, конфликты, истерики. Причем истерики в основном его, Вильгельма, – с обвинениями жены в супружеской неверности, унижительными угрозами и столь же унижительной предупредительной мольбой о прощении и клятвами верности. После которых Эрика иногда с королевской милостью снисходила до того, что подавала ему свое тело, как милостыню юродивому.

И именно так, в виде милостыни, он, всемогущий шеф абвера, человек, одним видом своим, самой должностью внушавший страх множеству людей во всей Европе, благодетельствованно принимал эту подачку. Унижительную подачку одной из самых красивых женщин Германии.

Да, так происходило множество раз, поэтому Канарису не только давно следовало бы привыкнуть к подобному отношению, но и смириться с ним. Однако дело в том, что в ту ночь супруга повела себя с особой жестокостью.

– ...Но ведь мы в течение столь долгого времени не были с тобой в постели! – разъяренно, задыхаясь от ярости, прохрипел тогда Вильгельм, чувствуя, что жена отторгает его уже не столько из-за физиологической пресыщенности, сколько из-за нравственной брезгливости. Причем вызванной отнюдь не мимолетными порывами ревности.

– Верно, не были несколько месяцев, да только не по моей вине, – бросила Эрика, все еще предпринимая попытки вырваться из его цепких рук. – Поскольку все это время пустовала ваша, именно ваша, половина этой опостылевшей мне усыпальницы.

– Но и не по моей вине. Ты прекрасно знаешь это! В Риме я выполнял задание фюрера. Его личное задание, – пытался объяснить он, забыв на время, что на эту несостоявшуюся пианистку авторитет Гитлера абсолютно никакого впечатления не производил. – В этом смысл моей службы фюреру и рейху.

– Фюреру и рейху, но не нашей любви.

«Какой еще любви, черт возьми?! – внутренне взорвался Канарис, чувствуя, что нервы его на пределе. – Какой, к чертям собачьим, любви, если только благодаря Господнему заступ-

ничеству да своему хладнокровию я чудом сумел вырваться из камеры, из которой до меня еще никому вырваться не удавалось?!»

– Я был схвачен, находился в тюрьме, и ты прекрасно знаешь, с каким трудом мне удалось вырваться уже из рук палача!

Он так и не признался Эрике, что бежать из тюрьмы ему удалось благодаря убийству бывшего к нему за исповедью священника. Однако для нее не могло оставаться тайной то, что было известно не только руководству рейха, но и многим подчиненным адмирала, и что, хотя и вполголоса, но достаточно оживленно обсуждалось в аристократическо-абверовских салонах Берлина, постепенно превращаясь в «легенду о Канарисе». В еще одну легенду...

– То есть хотите сказать, что вырвались из рук римского палача, – все упорнее отчуждалась от него Эрика, переходя на «вы», – чтобы самому превратиться в палача, только уже целендорфского¹⁹?!

– Всего лишь хочу уточнить, что с моим вынужденным служебным отсутствием все ясно. А вот с кем ты могла наслаждаться все это время? Кто он и как ты посмела?!

– Как посмела?!

– Вот именно, как ты посмела, зная, в какой опасности находится твой муж?

Попытки вырваться из его рук прекратились, тело Эрики обмякло, совсем как тело того католического священника, которого он задушил в одиночной камере смертника римской тюрьмы. Ассоциации представлялись ему жутковатыми, однако были они именно такими. И каким-то своим, сугубо женским чутьем Эрика уловила это. Вильгельму показалось, что сопротивление ее прекратилось из-за порыва собственного усовещения и раскаяния, и он был поражен, когда вдруг услышал ее лишь слегка возбужденный голос:

– Оставьте меня в покое, Канарис! Мне больно, поэтому лучшее, что вы можете сделать, – это отпустить мои плечи и убраться прочь, – медленно и цинично процеживала она сквозь зубы, повергая Вильгельма в паралич.

– Убраться прочь?! – вновь, теперь уже сугубо инстинктивно, в состоянии некоего аффекта, вцепился в ее плечи Маленький Грек. Причем произошло так, что на сей раз руки его оказались у самого горла жены. – Это мне велено убраться прочь?!

– Уйдите, Канарис, вы мне глубоко противны, – голосом, полным глубочайшего отвращения, процедила Эрика.

– Я? Противен?! В каком смысле?

– Это спальня, а не камера, в которой, спасая свою шкуру, вы удушили ни в чем не повинного священника. Поэтому лучше уйдите!

Если бы Эрика попросту сослалась на недомогание или нежелание вступать с ним в связь, Канарис воспринял бы это спокойно. Пылкости супруги хватило лишь на первые два месяца их супружеской жизни; после этого она допускала мужа до своего тела как до сокровища, которого он не достоин. Однако тонкости их постельных отношений никогда особо не травмировали Вильгельма. А вот то, что она обвинила его в убийстве пастора!.. Обвинила в убийстве, которым он как разведчик, как солдат, в конце концов, спас себе жизнь... это уже выходило за рамки семейных отношений.

«Невинный священник»! Какой еще, к дьяволу, «невинный священник», если речь шла о его, Канариса, жизни и смерти?! И это говорит жена офицера разведки! Нет, такой морально-этической пощечины Канарис простить ей уже не мог.

Несколько последующих ночей он провел в своем кабинете, в «служебной» кровати. И никто из заключенных, в подвальные камеры к которым шеф абвера навещался тогда позд-

¹⁹ После женитьбы Канарисы поселились в аристократическом пригороде Берлина Целендорфе. Канарис действительно множество раз устраивал своей супруге сцены ревности. В частности, одна из них, которая интерпретируется в этом романе, подтверждена многими исследователями, поскольку отголоски ее нашли свое отражение и в отрывочных, эмоциональных воспоминаниях самого адмирала, и в последовавших после их ссоры излияниях души фрау Эрики Канарис.

ними вечерами, даже предположить не мог, с какой это стати их удостаивает своим визитом в столь поздний час сам шеф абвера. И почему, являясь к ним, он даже не пытается провести допрос, а принимается хладнокровно, методично избивать их²⁰. Им и в голову не могло прийти, что, по-садистски изошряясь в избиениях, этот флегматичный на вид седовласый человек с внешностью и манерами то ли тихопомешанного кабинетного ученого, то ли университетского профессора всего лишь срывает на них зло и мстит за все те унижения, которые не способен унять и погасить в своей домашней спальне, в объятиях презревшей его супруги.

Понимая, что проводить слишком много ночей в своем служебном кабинете неэтично, Канарис, предаваясь оскорбленной гордыне, еще несколько ночей спал в кабинете домашнем. Он, конечно, мог бы куда романтичнее проводить эти ночи в домике своей старой подруги Амиты, но это означало бы окончательный разрыв с женой, после которого вернуться домой он уже не смог бы. К тому же Канарис не мог позволить себе искать убежища у служанки, это выглядело бы слишком вызывающе. Впрочем, Эрика не сомневалась, что с Амитой у ее мужа давний и слишком затянувшийся роман.

Но даже когда супруга снизошла до того, что вновь впустила его под свое одеяло, он понял, что никогда больше не простит ей этого цинизма и этого «римского упрека». Да и брал он ее с того времени все реже, со стыдливym ощущением того, что предается сексуальным уладам с манекеном.

²⁰ Реальный факт. О пристрастии Канариса к ночным визитам в камеры и избиениям заключенных знала вся правящая верхушка рейха.

13

Канарис взглянул на часы. Брефт должен был появиться минут через десять, однако время словно прекратило свое течение. Казалось бы, не такой уж и важный гость, однако Вильгельм ждал его с той нервозностью, с какой обычно ожидают человека, от которого что-то зависит – точнее, зависит очень многое. Какой же сюрприз судьбы готовит ему очередная неожиданная встреча с Брефтом? Неспроста он появился сегодня «на рейде» виллы, ох, неспроста...

Остановившись посреди комнаты, адмирал с минуту осматривал свое пристанище: на стене между окнами – макет штурвала; тут же рядом – небольшая бронзовая рында, морской компас, канатная подвязка с набором всевозможных узлов – подарок одного из сослуживцев по «Дрездену», который затем стал капитаном сейнера; большой глобус с проложенными по нему курсами морских линий...

Для него, стареющего сухопутного адмирала от разведки, «каюта» и впрямь оставалась тем островком, на котором он с одинаковым наслаждением мог предаваться и воспоминаниям, и милому бреду мечтаний. А еще именно здесь, на этой тахте, напоминающей «лежбище» матросского кубрика, он любил предаваться любовным играм с Амитой Канарией...

Несмотря на свою нынешнюю непростительную полноту, эта женщина все еще сохраняла пылкость дикой островитянки (юность девушки прошла в небольшой, забытой Богом деревушке на южной оконечности острова Гран-Канария), каковой она, по существу, так и осталась. Как осталось в ней и восприятие его, Вильгельма Канариса, как повелителя, мужчины, дарованного ей самим небом. Жаль только, что это все еще было живо только в душе и чувствах Амиты, а не его, адмирала Канариса.

Правда, в последнее время Амида тоже все чаще позволяла себе ворчать и даже пыталась давать своему адмиралу всяческие мудрые советы. Но когда Вильгельм однажды решился упрекнуть Амиду во «все разительнее проявляющихся скверностях ее нетерпимого характера», она поучительно заметила:

– Мой адмирал, если мужчина не позволяет своей женщине рожать ему детей, он должен быть готов к тому, что со временем женщина вынуждена будет усыновить его самого.

– Усыновить? Вы о чем это, Амида? С чего вдруг? – непонимающе уставился на нее адмирал.

– При чем усыновить – это в лучшем случае, – настаивала на своем Канария.

– По какой такой логике?

– А что вас так удивляет, адмирал? Неужели непонятно, что этого требует ее материнский инстинкт?

– И он, этот ваш инстинкт, в самом деле еще чего-то там требует? – удивился Канарис, но, не добившись от Амиды никаких других объяснений, вынужден был признать, что не ожидал от нее ни подобной трактовки, ни подобной глубины мысли.

Что за жизнь у него пошла: супруга окончательно предала его, служанка Амида Канария вообще дошла до того, что пытается «усыновить»... В то время как самому адмиралу хотелось только одного – чтобы рядом оставалась по-настоящему преданная и любящая его женщина. Только-то и всего.

Теперь Канарис понимал, что в его жизни такая женщина однажды случилась – это была Мата Хари. Жаль только, что понял он это слишком поздно. И потом, любовная привязанность танцовщицы-проститутки вряд ли могла служить аргументом для того, чтобы испытывать ее в семейных условиях. Уж что-что, а семейная жизнь этой бродячей, разгульной актрисе, не имеющей ни постоянного жилья, ни постоянных привязанностей, ни даже постоянной страны обитания, – была напрочь противопоказана.

* * *

...Уж теперь-то адмирал без какой-либо внутренней боязни и излишней гордыни мог сознаться – по крайней мере самому себе, – что все, что исходило во время их знакомства от него, Вильгельма Канариса, конечно же, порождалось ложью. Или же вместе с ложью источалось. И то, как он представал перед ней в облике офицера-богача, и как разыгрывал сцены юношеской влюбленности, и как искренне уговаривал танцовщицу выйти за него замуж – понятное дело, не в сей же час, а когда кончится война...

Когда Маргарет неожиданно покинула свой салон в Париже, который к тому времени охотно посещали не только безоглядно влюбляющиеся в нее молодые французские офицеры, но и министры, известные промышленники и даже иностранные дипломаты, и вернулась в Мадрид, одни восприняли эту ее отлучку как стремление отдохнуть от парижского бомонда другие – как попытку охладить буйный пыл некоего слишком уж навязчивого любовника, которого Мата Хари сначала страстно увлекла собой, а затем, буквально разорвав его, столь же страстно отвергла; третьи поговаривали о появлении какого-то нового воздыхателя...

Истинную же причину ее отъезда знал только он, капитан-лейтенант Канарис.

Да, это действительно был не очередной отъезд, а самое настоящее бегство, причем, следует признать, весьма своевременное. Несколько попыток танцовщицы получить разрешение на въезд в Англию ни к чему не привели. Мало того, неофициально ей дали понять, что репутация ее слишком запятнана, причем касается это отнюдь не бесчисленных любовных связей, нет; ей по-джентльменски намекнули на связь с германской разведкой.

– По-джентльменски, значит, намекнули? – устроил после этого своей «разведтанцовщице» форменный допрос Вильгельм Канарис.

– Следует полагать, что да, пока что по-джентльменски.

– Ничего при этом не предлагая?

– Если вы имеете в виду вербовку в английскую разведку, то нет, не предлагали, – затравленно объяснила Мата. Канарис впервые видел ее такой испуганной. До этого она уже не рисковала, но, даже оказываясь на грани провала, сохраняла свое привычное ироническое спокойствие.

– Что же тогда предлагали? – настойчиво допытывался Канарис.

– Всего лишь настойчиво посоветовали, что в моих же интересах держаться подальше от посольств тех стран, с которыми Германия все еще пребывает в состоянии войны. Но советовали, подчеркиваю, очень настойчиво.

– Настолько, что вы испугались... – не спросил, а, скорее, задумчиво констатировал Канарис.

– Впервые по-настоящему испугалась, – признала Маргарет. – И вы не заставите меня вновь возвращаться в Париж, а тем более – еще раз обращаться в английское посольство во Франции. С меня хватит!

– Ну, заставим или нет – это покажет время, – с неожиданной угрозой в голосе произнес тогда резидент германской разведки.

– И в этом заключается вся ваша благодарность?! – мгновенно оскорбилась Маргарет Зелле. – Вместо того чтобы поддержать меня в такие минуты, вы, наоборот, пытаетесь шантажировать меня! Вы ведете себя так, словно...

– Ваши истерики, мадам Зелле, меня не интересуют, – еще более холодно и сурово произнес германец. – Однако помочь я вам все же попытаюсь. Начну с того, что постараюсь навести по своим каналам кое-какие справки, чтобы выяснить, насколько серьезен был этот отказ. Что за ним стоит. Вдруг это всего лишь неджентльменская месть английского посла за некогда не подаренную вами ночь?

– Не подаренную ночь? – удивилась Мата Хари самому подходу к проблеме, с которой она столкнулась в Париже.

– Вспоминайте, мадам Зелле, вспоминайте. Когда вопрос касается оскорбленной, точнее, неудовлетворенной мужской гордыни, даже истинные джентльмены порой способны на неджентльменные поступки.

– Однако ничего такого я не припоминаю. Английский посол...

– Или же кто-то из англичан, оказавшийся другом этого самого посла... Вспоминайте, Маргарет; успокойтесь и вспоминайте!

Кое-какие справки германский капитан-лейтенант действительно навел. Для Маргарет Зелле они оказались неутешительными. Мало того, в них просматривалась угроза для него самого, поскольку английской разведке уже было известно, что для германского резидента Канариса любовная связь с танцовщицей уже давно служит всего лишь прикрытием.

Когда эта угроза была подтверждена и другими источниками, Канарис вынужден был признать, что из Франции Маргарет удалось вырваться только чудом, как понял и то, что при необходимости французская или английская разведка легко достанет ее в Мадриде или в любом другом уголке Испании. Точно так же, как достанет и его, особенно после того, как Мата Хари начнет давать показания на допросах в любой враждебной контрразведке.

Канарис вынужден был задуматься над своим положением еще и потому, что в Мадриде, куда он прибыл вскоре после возвращения туда Маргарет, его вдруг навестил высокий художавый джентльмен из английского торгового представительства.

– Есть необходимость представляться, господин Ридо Розас?

– Такая необходимость возникает в любом случае. Тем более что вы решили говорить с офицером, обладающим дипломатическим иммунитетом.

– Терпеть не могу дипломатов. Но если вы так настаиваете... Мое имя вам все равно ничего не скажет, а визитку, с вашего позволения, я вручу перед своим уходом, – учтиво склонил голову джентльмен. – Так что давайте на этом покончим с ненужными формальностями.

Только теперь помощник военно-морского атташе Германии внимательнее присмотрелся к холеному, аристократическому лицу англичанина и резким движением руки указал ему на кресло.

Понятно, что имя чилийца Ридо Розаса было тем паролем, обладать которым могла только Сикрет Интеллидженс Сервис²¹, – это Канарису стало ясно сразу же. Но дело не только в этом. Теперь капитан-лейтенант еще и узнал англичанина. Это был тот самый лейтенант английской разведки, который в 1915 году поднялся на голландский теплоход «Фризия» с твердым намерением встретиться там с неким лжечилийцем Розасом. Но вовсе не для того, чтобы раскрыть и погубить его. У англичанина был свой интерес к этому германцу. Впрочем, это уже были дела давно минувших дней.

Теперь же Канарис тоже полюбопытствовал у англичанина, не ошибся ли он, обращаясь к нему как к чилийцу Розасу, тем более что торговые поставки из Великобритании его не интересуют. Но это была всего лишь попытка выиграть время, чтобы, с одной стороны, собраться с мыслями, а с другой – заставить гостя чуть поподробнее рассказать о себе.

– Такие вопросы поставок, с которыми решила обратиться наша фирма, вас, бывший обер-лейтенант крейсера «Дрезден», несомненно, заинтересуют.

– Не уверен, однако готов выслушать.

– Вполне приемлемый подход. Мудрость нашей с вами профессии заключается именно в том, чтобы научиться выслушивать каждого, кто готов предаваться красноречию.

²¹ Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС) – английская секретная разведывательная служба, британский аналог абвера, агентом которой Канарис являлся с 1915 г.

– Нашей с вами профессии? Не похоже, чтобы когда-нибудь вы числились в команде какого-либо из кораблей флота Королевского Величества, тем более что...

– Вы прекрасно знаете, кто я, потому что уже узнали меня, – жестко осадил его англичанин. – Один из канонов нашей с вами профессии как раз в том и заключается, что при решении важных деловых вопросов мы не должны ломать комедию. Вы готовы обсуждать мои предложения серьезно, не заставляя меня прибегать к шантажу?

– Шантаж – самое бессмысленное, к чему вы и ваши люди можете прибегнуть, находясь в стране, в которой германское влияние сильнее, как и сам авторитет Германии намного выше, нежели авторитет Великобритании.

– Очень спорный тезис. Здесь действительно не очень уважают старую амбициозную Леди, но вполне терпимо относятся к ее весьма щедрым подданным. Тем не менее обсуждать наши предложения... о неких поставках, исключительно о поставках, – англичанин уже не скрывал своей иронии, – как вы понимаете, лучше всего на свежем воздухе.

– К вопросам поставок я всегда отношусь с особой тщательностью, – заверил его Канарис. С формальностями действительно пора было кончать.

14

Несмотря на жару, англичанин был одет в темно-синий костюм с блестящими пуговицами на удлинённом пиджаке, а ворот белой рубашки тщательно стягивался строгим коричневым галстуком. Трость в руке тоже выдавала в нем английского денди, хотя и не скрывая офицерской выправки.

Впрочем, было похоже, что лейтенант умышленно рассекречивал свое подданство, памятуя о старинном шпионском правиле: «Лучший способ конспирации – отсутствие всякой конспирации!» Тем более что, несмотря на древнюю вражду двух океанских империй, англичан в Испании действительно уважали, чего нельзя было сказать о германцах, которых здесь недолюбливали и почему-то опасались. Недолюбливали, судя по всему, за мелочную расчетливость, граничащую с жадностью. А вот почему опасались – этого Канарис понять так и не смог.

Они вышли из представительства и, молча пройдя три квартала, вошли в фойе филиала итальянского «Банка ди Рома», основной капитал которого принадлежал ватиканской «черной знати»²². Только теперь Канарис вспомнил, что однажды заметил, как человек, очень смахивающий на этого английского лейтенанта, входил в этот же банк. Но тогда он не сразу сообразил, кого именно напоминает ему этот человек; к тому же сбита с толку принадлежность банка.

– В свое время вам, господин Канарис, действительно удалось заметить меня входящим в этот банк, – англичанин предельно точно уловил этот, очень важный психологически, момент опознания.

– Какая наблюдательность! – кисло ухмыльнулся Канарис, хотя должен был бы, по крайней мере, удивиться. – А вот я вас что-то не припоминаю.

– Не юлите, капитан-лейтенант, я специально подставился вам, дабы напомнить о ваших «великобританских обязательствах». Но то ли вы действительно не успели разглядеть меня, то ли специально умудрились не узнать.

– Скорее второе.

– В таком случае, напомню о себе: лейтенант О'Коннел. А еще напомню, что это не первая наша встреча.

– Я не коллекционирую псевдонимов и разведывательных кличек.

– Это не псевдоним и не кличка.

– Уж не хотите ли вы сказать, что на задания по делам разведки выезжаете под своим собственным именем?

– В этом и состоит моя конспирация.

– Сомневаюсь, что только в этом.

– О'Коннел – моя настоящая фамилия, черт возьми, – вежливо возмутился его недоверием англичанин. – В дружественные нам страны я предпочитаю приезжать под своим именем и со своими собственными документами. Советую вам, Канарис, поступать точно так же.

– Тогда, в Плимуте, мне пришлось предъявлять те документы, которые позволили мне выжить в Латинской Америке и пересечь Атлантику, – не менее вежливо объяснил ему Вильгельм.

– Фальшивые документы – не самый большой грех разведчика.

– Для него это, скорее, реквизит, как для фокусника – колода карт или платочек в рукаве.

– Очень своевременное и мудрое толкование.

– Нам нетрудно будет договариваться – это вы хотите сказать?

²² К «черной знати» Ватикана принадлежат люди, являющиеся родственниками того или иного папы римского. Именно из этого круга традиционно формируется чиновничий аппарат Ватикана, его служба безопасности, банковская, дипломатическая и прочие сферы.

– Опытные, умудренные жизнью люди, – развел руками англичанин. – Когда-то же она должна наступать – пора степенности и зрелости!

– Что привело вас ко мне, лейтенант?

– После вашего отплытия из Англии я проследил по карте путь вашего бегства из лагеря интернированных германских моряков, снятых с тонущего крейсера «Дрезден». Признаюсь, это впечатляет: остров Квириквина из архипелага Хуана Фернандеса, континентальное Чили, губительные перевалы Анд в обход чилийских и аргентинских пограничных постов.

– Поверьте, это не столь романтично, как вам представляется, лейтенант. Даже в восприятии такого романтика, какого вы видите сейчас перед собой.

– ... Затем судно, на котором, выступая в роли кочегара, вы сумели наладить приятельские отношения с несколькими англичанами, дабы усовершенствовать свой английский, – все с той же долей восхищения завершил англичанин.

– Совсем уж несущественные детали.

– Не скромничайте, Канарис: совершить подобный вояж дано не каждому. Таким можно гордиться потом всю жизнь.

– С этим трудно не согласиться. При всей моей скромности.

– Почел бы за честь оказаться вашим спутником.

– Как только вновь окажусь в плену у чилийских аборигенов, сразу же телеграфирую вам, лейтенант.

– ...А что касается всевозможных неприятностей, выпадавших тогда на вашу долю, – простил ему и этот выпад О'Коннел, – то ничто так не оправдывает и не облагораживает наше поведение вдали от родины, как непредвиденные обстоятельства и борьба за жизнь.

15

Англичанин чопорно уселся за столик для клиентов, стоявший у широкого окна и, прежде чем предложить второе кресло Канарису, посоветовал ему взглянуть в окно. Прямо перед ним открывалась небольшая площадь, а вправо и влево – только не перпендикулярно банку, а под углом от него – уходили вниз по склону две оживленные улицы.

Канарис мог бы признать в лейтенанте любителя уличных сценок, если бы не два любопытных момента: на площади перед банком отлично просматривались подходы к представительству, в котором служил О'Коннел, а справа точно так же хорошо просматривались подходы к зданию, в котором располагалось германское посольство.

– Прекрасное времяпрепровождение, – согласился Канарис, отодвигая свое кресло так, чтобы не закрывать лейтенанту часть пространства перед окном. – Что привело вас ко мне, лейтенант?

– Согласитесь, что мы не слишком навязчивы.

– По крайней мере, так было до сих пор.

– Вот видите, в кое-каких вопросах мы уже находим понимание.

У окошечек банка не наблюдалось ни одного клиента, зато Канарис заметил некоего крепыша, околачивающегося в дальнем углу зала, за столиком у конторки. Тот явно не был похож на человека, торопящегося снимать что-либо со своего банковского счета, а тем более – пополнять его.

– Что же заставило вас нарушить обет молчания, Британец? – без особого труда вспомнил его агентурную кличку капитан-лейтенант Кригсмарине.

– Нас интересует одна особа, именующая себя Матой Хари. Она же нидерландская подданная Маргарет Гертруда Зелле.

– Как, и вас она тоже интересует? – едва заметно ухмыльнулся Канарис. – Какое совпадение привязанностей и интересов!

– Что конкретно вы можете сообщить о ней, Канарис? Нужна хоть какая-то доза полезной для нас информации.

– Информации – море. Начнем с того, что Мата Хари – прекрасная танцовщица, сумевшая вскружить голову не одному испанцу.

– Так считают не все. Ее бывший муж, нидерландский офицер Рудольф Маклид, вполне определенно заявил: «У нее плоскостопие, и она абсолютно не умеет танцевать». Мы ему не поверили. Но вскоре наши агенты сумели получить отпечатки ступней Маты Хари, и медики убедили нас: плоскостопие в самой ярко выраженной форме! Специалисты утверждают, что женщину с таким природным недостатком вообще нельзя подпускать к танцевальным подмосткам.

– Любопытно, – повел подбородком Канарис.

О плоскостопии Маргарет капитан-лейтенант и в самом деле даже не догадывался. И не мог припомнить хотя бы один случай, когда оно как-то слишком уж резко проявилось или каким-то образом бросилось в глаза.

– Кроме того, у нас есть заключение сразу нескольких специалистов из Индостана. Каждый из них самостоятельно пришел к выводу, что по уровню мастерства она не тянет даже на ученицу храмовой танцовщицы, поскольку в ученицы попадают девушки, получившие определенную подготовку. Причем, заметьте, речь шла о юных девушках, а в данном случае мы имеем дело с сорокалетней матроной.

Выслушав его, Канарис загадочно ухмыльнулся.

– Стоп, хватит, Британец. Считайте, что меня вы уже убедили. Теперь постарайтесь убедить в этом же Париж, Мадрид, Берлин, Монте-Карло...

– Мы тоже пытаемся понять, что происходит, – не стал оспаривать его аргументы англичанин. – Но единственное, что мы пока что способны констатировать, – мы ни черта не понимаем.

– Происходит массовый гипноз, порожаемый таинством таланта, – вот что на самом деле происходит, когда эта женщина выходит на подмостки парижского «Фоли бержер» или не менее знаменитой «Олимпии». И когда она обнажает свое прекрасное тело, тысячам мужчин всех национальностей и возрастов глубоко наплевать на то, есть у нее плоскостопие или нет. Как, впрочем, и на мнение ее бывшего супруга. Прочтите, что пишут об ее искусстве в «Ля пресс», «Курьер франсэ» или «Нью-Йорк геральд».

– Что тоже справедливо, – проворчал О'Коннел. – Чувствуется, что вы внимательно следите за прессой, а главное, все еще влюблены в нашу танцовщицу.

– Вынужден разочаровать: на сей раз нюх разведчика вас подводит. Лично я к танцовщице Мате Хари давно охладел, если только наши отношения с ней интересуют вас как профессионала.

– Охладели? Мы так не считаем, если учесть навязчивый интерес этой особы к английскому посольству и старой доброй Англии. Есть все основания считать, что он подогревается именно вами, Канарис. Чем холоднее вы воспринимаете ее как женщину, тем пылче интерес к ней как к шпионке.

– Вас удивляет интерес актрисы к Лондону? – пожал плечами Канарис. – А куда еще отправляться танцовщице, покорившей Мадрид, Париж и Берлин, если не в Лондон?

– С этим можно было бы смириться, если бы мы знали ее лишь как агента французской разведки.

– То есть как агент французской разведки вам она уже известна?

– Само собой разумеется.

– Вот видите, а для меня это новость.

– Не лукавьте, Канарис. Вербовка Маргарет французами действительно оказалась для вас неожиданностью. Но это уже в прошлом. А вот то, что французы завербовали эту неутомимую бордельную танцовщицу, не догадываясь, что она работает на германскую разведку, – это уже пикантно.

– Однако ни у вас, ни у французов достаточных доказательств того, что Маргарет Зелле танцует под аккомпанемент германской разведки, нет.

Прежде чем ответить, О'Коннел проводил взглядом какого-то испанца – судя по его поясу и крестьянской одежде, баска, – который, проходя мимо окна, приподнял широкополую шляпу и вытер лицо розовым платочком. При этом они встретились взглядами: контакт состоялся.

Еще через несколько мгновений англичанин взглянул на карманные часы и предложил Вильгельму перейти в небольшой ресторанчик «Карильон», располагавшийся неподалеку, на небольшой площади у старинного собора.

– Фиесты устраивать мы не станем, но самое время утолить жажду.

Канарис не возражал; действительно, самое время поговорить за стаканом вина.

– Вы ведете скучный образ жизни, Канарис, – сказал англичанин, усаживаясь за свободный столик, стоявший между двумя толстыми колоннами, за которыми чернело чрево богато орнаментированного камина – большой редкости для испанских ресторанчиков.

– Не стану оспаривать.

– Скучный и скудный. Уже хотя бы потому, что вас ни разу не видели в этом ресторанчике.

– Дай-то Бог, чтобы на этом список моих прегрешений завершился. Маргарет Зелле, насколько мне известно, тоже не навещает его, – деликатно напомнил капитан-лейтенант о причине их встречи.

– Этот она пока что не навещала, тут вы правы.

– По крайней мере, так утверждает безликий тип, с которым вы общаетесь через окно «Банка ди Рома».

– Кстати, мы не стали разочаровывать наших французских коллег по поводу Маргарет и ограничились лишь мимолетным намеком.

– ...Которому, однако, не доверились даже легкомысленно-доверчивые французы.

– Они тоже устроили слежку за ней, но все еще мало преуспели в этом.

– А вы, мистер О'Коннел?

Возможно, англичанин и собирался что-то ответить, но в это время приземистый седовласый официант подошел к их столику, мельком осмотрел посетителей и, распознав в них иностранцев, произнес по-английски:

– Мясо молодого быка, красное кастильское вино и много сыра. У нас это называется «обедом матадора».

– На обед матадору подают яйца убитого им быка, – напомнил ему Британец. – Или, может, я что-то путаю?

– Когда устраивают фиесту по поводу большого боя быков. Но вы мало похожи на матадора.

– Это уж как взглянуть на бой быков. И потом, кто знает, не придется ли вскармливать быка «прелестями» матадора...

Испанец вяло улыбнулся.

– Итальянцы обычно требуют еще и спагетти. Однако англичане предпочитают завершать подобные пиршества обычной яичницей, щедро усыпанной кусочками куриной грудинки.

– Принимайте нас за французов, – посоветовал Канарис официанту, желая как можно скорее отослать его от столика. Однако, запрокинув голову и победно улыбаясь, официант решительно произнес:

– Французы слишком легкомысленны, чтобы подражать им в чем-либо. Кому угодно, только не французам!

– Ни подражать, ни доверять французам нельзя, – охотно согласился с ним Канарис.

– В таком случае принесите нам по стакану хереса и по куску сыра, – степенно произнес англичанин.

Официант отходил, кланяясь и долго не решаясь повернуться к ним спиной, словно опасаясь выстрела в затылок.

– Что с них взять? Это же англичане! Ни черта они не смыслят ни в хорошем вине, ни в хорошем испанском сыре, – пожаловался он основательно подвыпившему кабальеро, стоявшему у края стойки, не смущаясь того, что посетители могут услышать его. Но в ответ кабальеро лишь сладко икнул.

– Вот он, испанский национализм – во всей его несуразности, – назидательно молвил О'Коннел.

– Мало чем отличающийся от английского или германского, – заметил Канарис.

– При чем здесь германский? У вас и национализма порядочного пока что нет; так, сплошное пруссачество...

16

Вино оказалось слишком теплым и кисловатым для настоящего хереса, однако Канарис старался не придавать этому значения.

– Почему вы решили заговорить о Маргарет Зелле? – поинтересовался Канарис, зажевывая винную кислотину ломтиками сыра.

– Потому что вы упорно стараетесь внедрить ее в круги английской аристократии. Английские генералы и дипломаты не столь болтливы, как французские, но ведь эта танцовщица не зря провела несколько лет в буддистском храме... – Услышав это, Канарис про себя скептически ухмыльнулся: он-то знал, что ни в одном храме мира Мата Хари ни одного дня не провела. – К тому же она подпаивает своих клиентов каким-то восточным снадобьем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.